

[Polaris]

С. Горбатов

ЯНТАРНАЯ СТРАНА

Рассказы и повесть

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

LXXV

Salamandra P.V.V.

С. Горбатов

ЯНТАРНАЯ СТРАНА

Рассказы и повесть

Salamandra P.V.V.

Горбатов С.

Янтарная страна: Рассказы и повесть. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2015. — 80 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. LXXV).

Два рассказа и маленькая повесть — таков весь список дошедших до нас фантастических произведений одного из самых оригинальных фантастов 1920-х гг. С. Горбатова. Эти изящные вещи, повествующие о затерянных мирах, невероятных путешествиях и вторжении с Луны, написаны на стыке научной фантастики и фэнтези и напоминают причудливые и красочные сновидения.

ЯНТАРНАЯ СТРАНА

Илл. А. Позена

Когда я вспомнил о Грэндрейне, то вижу, что обыденная жизнь и время не вытеснили из памяти его образ и многое из этой единственной чудесной страницы моего существования.

Тем, кто прочтет мои записки, интересно знать, как встретился я с ним. Для них я опишу нашу первую встречу. Однажды, объезжая окрестности западноафриканского городка, я остановил вороного коня на вершине каменистой гряды. И здесь, в этом желтом просторе песков, меня не оставляли мысли о тайнах, погребенных в недрах земли, о новейших открытиях в истории человечества, перебросивших мостки между древними цивилизациями Америки и Африки. Все ли известно пытливому человеческому уму, или ему предстоят еще новые и новые открытия в истории мира?

Мой черный друг внезапно заржал. Я огляделся, но ничего не увидел. Тогда я взглянул в полевой бинокль: он выхватил из ландшафта кусок песчаных дюн, ребра коричневых скал и всадника на белой лошади. Через седло его было перекинута точно тряпичное, безжизненное тело. Над желтым морем конь казался блестящим. Всадник-женщина приблизилась,

— Город! Далеко ли город?

— За этими холмами!

Белый конь рухнул, уткнувшись розовыми ноздрями в песок. Ноша глухо ударилась о землю. Всадница успела во-

время соскочить со своего коня; она едва держалась на ногах.

— Он жив? — спросила женщина и нагнулась над бесчувственным телом, лежавшем подле лошади.

Я взял руку незнакомца: пульс едва бился.

— Он жив, но кто это?!

— Не знаю, не знаю, — пробормотала всадница. — Я нашла его в песках. Он умирал от голода, жажды и усталости. Он нес сокровище. Раскройте его мешок.

Я раскрыл. В мешке лежали громадные шлифованные куски янтаря желтого, зеленого, красного, огненно-оранжевого цвета. Со дна я достал последний кусок необычайной чистоты и прозрачности, зеленый янтарь, граненый в форме куба. Грани вбирали солнечный свет и излучали его на странную птицу, замурованную в янтаре. Красногрудая, с голубыми крыльями, она повернула набок чернозеленую головку и глядела на меня из камня, словно готовясь взлететь. Чья-то искусная рука мгновенно остановила жизнь, окружив птицу зеленой, светящейся массой. Чудо природы или мастерства было в моих руках? И я невольно связал этот кусок янтаря с мыслями о тайнах, погребенных в пустыне.

Я забыл время, проведенное около постели незнакомца, и помню лишь ночь, когда я, спасенный — его звали Грэндрейн, — и всадница на белом коне — Марион — выехали с караваном в пустыню. Мы ничего не знали о неведомой стране, куда вел нас Грэндрейн, но нас влекло к нему, мы пошли не задумываясь, охваченные безудержной страстью приключений.

Он ехал впереди, не справляясь ни с компасом, ни с картой. Мне кажется, что он намеренно кружил, сбивая со следа, чтобы ни я, ни Марион, ни надсмотрщик за неграми-рабочими Астон, ни негр-дагомеец Гонагойя — никто не мог бы найти вторично этого пути. Я не вел счета дням. Безбрежные пески изо дня в день окружали нас. Но однажды перед караваном всплыли из-за горизонта силуэты гор. Огромные скалы, выветренные, складчатые утесы, словно встали на дыбы, схватившись друг с другом в жарком рукопашном бою, а рядом зияли бездонные провалы, пожравшие низвергнутых каменных гигантов. Скалы справа, слева, спереди и сзади. Негры испуганно смотрели на угрюмые отвесы черных скал. Четыре томительных дня мы кружили среди каменного хаоса. И вот, после самого утомительного перехода по трещинам иссиня-черной скалы, мы выехали в удивительный цирк Янтарной страны. Горная завеса прорвалась. Перед ними лежало темно-голубое озеро, окаймленное густой зеленой чащей, а кругом него уходили в поднебесье черные скалы, отрезая этот цирк от внешнего мира.

Гонагойя протянул длинную руку гориллы к озеру и пересохшими губами повторял:

— Мираж! Мираж! — а Марион разочарованно спросила:

— Неужели это только мираж?

— Нет, это действительность, — произнес уверенный голос.

Грэндрейн дрожал от волнения и тяжело дышал.

— Да, действительность! Это моя страна, отныне — моя родина — Янтарная страна куцимайев. — И дав шпоры лошади, он ринулся вниз к лазурным водам.

Солнце быстро скрылось за горными стенами. От озера веяло прохладой. Все мы, разбитые путешествием, лежали подле костра у палаток. Но Грэндрейн скрылся, не сказав ни слова. Куда он ушел, почему он за все время не объяснил нам, что влекло его к этим местам? Я знал, что он хочет добывать янтарь, но цель его напряженной жизни и работы оставалась неизвестной. Мое раздумье прервала Марион.

— Герберт! Куда ушел Грэндрейн? Почему он в таком волнении?

Я взглянул на вопрошавшую. Языки пламени плясали отсветами на ее похудевшем лице.

— Не знаю, Марион, какое нам дело?

— Нет, Герберт, я хочу знать, где он. Он устал больше нас и все-таки ушел в темноту, в горы, где каждый миг грозит гибелью. Герберт, я боюсь за него, где он?!

Я ничего не ответил. Меня удивила ее горячность, глубокая печаль и волнение в голосе. Что с Марион, веселой амазонкой, женщиной-авантюристкой, бесстрашной и независимой? И вдруг воздух вздрогнул от адского взрыва. Второй, третий.

За каждым из них следовал грохот падающих скал, повторенный многоголосым эхом. Лошади тревожно ржали и бились. Марион судорожно сжала мою руку.

— Слышите, Грэндрейн! так вот зачем ему динамит!

Еще три раската динамитного грома потрясли воздух, а затем все стало тихо. Ни ветра, ни шелеста, никаких звуков. Только где-то запоздало трещали катящиеся к озеру камни, сорванные взрывом.

— Герберт, я боюсь. Мне страшно думать о том, что будет. Но я чувствую, что нам грозит несчастье. Я не хочу, чтобы оно было с Грэндрейном. Не хочу!

Я с трудом успокоил Марион. И потом долго, сидя около спящей, думал о взрывах, о беспричинных страхах Ма-

рион, о Грэндрейне, о цирке янтарной страны, пока сон не принес мне покоя.

Рано утром негры под руководством Астона занялись янтарем у подножья гор. Я выбрался к потоку, каскадами падавшему с гор. Водяная пыль серебряным туманом стояла над водопадом на фоне розовых гранитов и черных базальтов. Я долго любовался игрой солнца, как вдруг раздались мощные взрывы: где-то работал Грэндрейн. Но где? Передо мной стояла стена непроходимых скал. Нет ли пролома в гранитной толще, не высечена ли каменная лестница или подземный ход под этими горными массивами? Ведь нет же у Грэндрейна летательного аппарата.

Исследуя каменную преграду, я не нашел ни малейшего следа прохода, подкопа или лестницы. Не было ни пещер, ни расселин. А между тем Грэндрейн проник туда. Мне казалось, что именно за этими стенами можно найти разгадку действий Грэндрейна. В досаде на свое бессилие, я повернул коня назад и вскоре приблизился к лагерю.

Старик Тимрара занимался стряпней, а юный Унаа ловил рыбу у ног отдохавшей Марион. Увидев меня, он недовольно отошел и издали крикнул:

— Прощай, госпожа. Унаа печален: он уходит от госпожи. Унаа любит госпожа больше, чем солнце. — Он ткнул пальцем в пышущий жаром золотой диск.

Марион рассмеялась.

— Вот, милый Герберт, как вам нравится влюбленный Унаа? Я предпочитаю его Астону.

— Астону? Разве он вам говорил что-нибудь?

По лицу Марион пробежала легкая тень.

— Я ненавижу его, он весь какой-то изъеденный, как его мундштук из скверного янтаря. Скот, алчный и подлый. Мне противен взгляд его красных похотливых глаз.

Негры весело загалдели. Из-за леса показались всадники: Грэндрейн с добычей янтаря заехал за нами, чтобы отвезти янтарь в свой склад.

Через трещину в скале мы попали в каменную трубу, которая прикрывалась голубым куском неба. Тридцать, со-

рок мешков с камнями, ящики с патронами, ружьями и динамитом — вот что было здесь.

— Восемь лет, — сказал Грэндрейн, — я скитался по свету и два года назад открыл Янтарную страну. Четыре раза, рискуя жизнью, я ездил отсюда в город. Последний раз вы видели меня в конце путешествия. — Он взглянул на Марион, в голосе его зазвучали теплые нотки. — Только благодаря вам я остался жив. Спасительница моя Марион, я в вас люблю память о моей возлюбленной.

Грэндрейн вынул из мешка янтарный шар. Марион вскрикнула от изумления. Астон застыл, побелев под загаром. Голубой шар разбрызгал на нас бирюзу морских вод. Внутри его извивалась большая ящерица с чернотелым гребнем. Правая лапа и голова с двумя рогами были подняты. Выпуклые, черные бусинки глаз сверкали словно живые.

— Посмотрите в глаза. Несколько тысячелетий пролетели над миром, тысячу раз стерев память о бывшем. Но они прошли мимо животного, заключенного в янтаре. Этот шар — дело рук человеческих. Им любовалась принцесса народа куцимайев — ваш двойник, Марион. Вот почему я дарю этот шар вам.

Но Марион не протянула руки к шару. Она глядела отсутствующим взглядом на Грэндрейна, закусив губу так, что красные капельки медленно ползли в уголку рта. Затем она резко повернулась и скользнула в темную щель. Грэндрейн проводил ее странным взглядом и тоже молча шагнул к выходу. В недоумении мы последовали за ним.

Вечером ко мне подсел Астон. Зверь по отношению к рабочим, со мной он усвоил гнусный, заискивающий тон.

— Я все хотел спросить вас, сэр, каким образом получается цветной янтарь? Я думал, что янтарь бывает только желтый. Может быть, это не янтарь?

— Это тайна Грэндрейна, Астон, — ответил я. — Теоретически цветной янтарь возможен. Вы знаете, как создается янтарь? Это смола, застывшая много веков тому назад. До сих пор я видел только желтый янтарь, но возможно, что в

ту пору существовали особые породы деревьев, которые источали цветную смолу, а, может быть, смола окрашена.

— А как попали в янтарь животные?

— Ну, это просто. В янтаре часто находят листья, кору и жучков. Правда, Грэндрейн сказал, что ящерицу в янтаре замуровал человек. Очевидно, у него был большой запас смолы, и он залил ее смолой внезапно. Спросите Грэндрейна. — Астон хихикнул.

— Ах, сэр, Грэндрейн занят мертвецами. Ему не до нас.

— Мертвецами? Что за вздор!

— Не верите?!! — Голос Астона понизился до сюсюкающего шепота. — Я знаю, где он проводит дни. Среди мертвецов и золота. Золото!.. — Астон сжал до боли мои руки. — Сэр, хотите быть богатым? Несметные богатства лежат у него под боком. А он нянчится с трупом. Сэр, поделим драгоценности. Бросим его среди мертвецов. Живое — живым. Дайте руку!

Я оттолкнул его и вышел из палатки к берегу.

Все это ошеломило и взволновало. Свежий воздух успокоил меня, но нервы были натянуты, и я невольно вздрогнул, когда услышал хруст песка. Возвращался Грэндрейн. Лицо его горело нечеловеческим упоением, он шел как лунатик, не глядя и не видя ничего, ноги машинально переступали, направляя его к лагерю. Как тень, он скользнул мимо, задев меня рукавом, не мигая и не шевельнувшись даже от толчка. Следом за ним я дошел до его палатки и слышал конец затихающего бормотания:

— Ты будешь жить, а я его убью навеки. Будь ты проклят!

Это было все, что донеслось до моего напряженного слуха. Я почувствовал страшное утомление и пошел к себе. Моя палатка была рядом с палаткой Марион. Едва я вошел, как из-за стенки Марион спросила:

— Герберт, Грэндрейн вернулся?

В ее голосе звучали тревога и слезы. Я промолчал. Еще неожиданность: Марион плакала. Отчего? И мне захотелось внезапно вернуться из Янтарной страны назад, в пес-

чаный простор, вырваться из кратера, где человеческие страсти бурлят от тесноты.

А страсти начали действительно кипеть. Я проснулся от сознания, что кто-то стоит надо мной. Марион трясла меня за рукав.

— Вставайте скорее, несчастье!

— Что случилось?

— Астон взбунтовал негров. Они бросились грабить хранилище и хотят уехать домой.

Так вот почему Астон затеял со мной разговор!

— Где Грэндрейн?

— Не знаю. Ах, если б бежать отсюда.

Видно, и ею владели те же мысли, что и мной.

— Подумайте, Герберт. Мальчик Унаа лепетал вчера вечером о подстрекательстве и бунте, а я не поверила и смеялась.

Мы вышли из палатки. Марион впиалась в мою руку.

— Унаа, Унаа!

На песке лежал поваренок с расколотым черепом. А вдали, на уступах базальтов, карабкался на лошади Астон. Я крикнул изо всех сил:

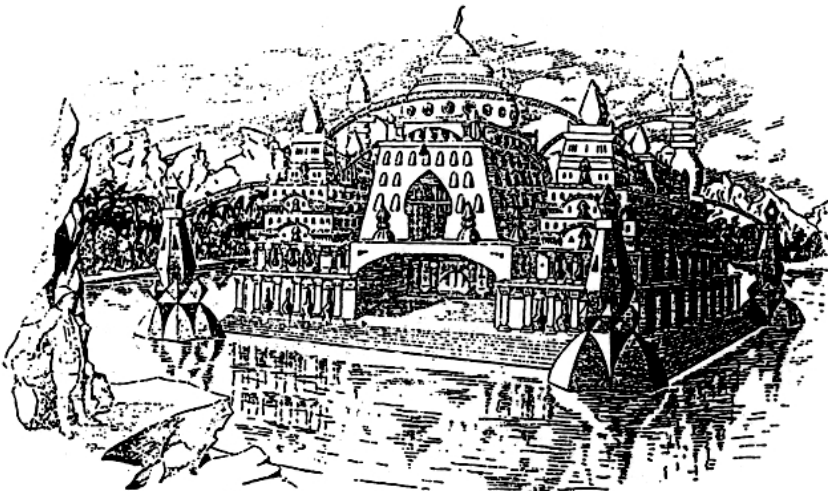
— Астон, остановитесь!

Но он продолжал путь. Я погнался за ним. Достигнув скалистой гряды, он спешился и заскользил вдоль черного хребта. Вдруг он точно провалился. Задыхаясь от бега и волнения, я подбежал к месту провала и увидел черную яму. Брошенный камень тотчас же ударился о дно. Не отдавая себе отчета в своих действиях, я спрыгнул; сбоку в стене блеснул свет. Несколько шагов, — и я замер от удивления.

Слева возносилась к знойному небу отвесная скала, отрезавшая меня от цирка и Янтарной страны. А направо ам-

фитеатром развертывался второй цирк — другая чудесная страна.

Я стар и скоро умру, но никогда не забуду этого первого впечатления. Оглушенный падением, полуослепленный, задыхающийся, я стоял у входа в этот неведомый мир. Никогда — ни раньше, ни позже, — я не испытал той радости бытия, как в тот момент, когда мне открылся во всей полуденной красоте цирк оранжевого дворца властителя Янтарной страны.

И этот цирк был кратером потухшего вулкана, диаметром не более трех километров. Верхняя половина кратера падала отвесно каменным безжизненным кольцом, нижняя — представляла собой цветущий сад, террасами спускающийся к голубому озеру, затянувшему дно вулкана.

Здесь и там на цветущих склонах каналы обегали зеленые террасы, свергаясь водопадами с одной террасы на другую. В четырех углах квадратного озера поднимались стройные обелиски башен невиданной архитектуры, а в центре озера из воды вырастал многоэтажный дворец, одетый в оранжевый янтарь.

Я стал опускаться с террасы на террасу к озеру. Дворец рос, захватывая меня все больше и больше своей архитектурой: странной красотой арок, высоко взлетающих воздушных мостов, многообразных балконов и красочных, многогранных колонн.

Шагов за пятьдесят до входа в башню начиналась крутая колоннада, крытая разноцветной черепицей, сквозь которую свет играл радужным дымом. По гранитным ступеням, полированным словно розовые зеркала, я поднялся на крыльцо. Над полураспахнутыми широкими дверьми в стену башни был вделан мозаичный портрет красивой женщины. Глаза невольно приковывались к нему.

Мне показалось, что я грежу. Из мозаики глядела на меня Марион. Синие глаза, тонкий нос с нервными ноздрями, иссиня-черные волосы, гладко облегающие голову — черты Марион с разительным сходством были воплощены в этом древнем портрете. Пришли на память слова Грэндрейна в хранилище, когда он передавал Марион подарок, но мысль, вытесняя мозаичный образ, была уже взята в плен отделкой вестибюля.

На потолке, расцвеченном цветными янтарными плитками, причудливо пестрели фигуры, растения и письма, а на мозаичном полу играл свет, падающий из двенадцатигранного окна на потолке.

По галерее, уставленной статуями, я прошел в комнату, полную тяжелого, кровавого сияния. Это светился рубиновый янтарь, вправленный в частую металлическую сеть, как багряный мед в серебряных сотах. На полированных пьедесталах замерли статуи двух девушек в коротких туниках. Нагими руками, розовеющими от рубинового воздуха, они указывали на лестницу, уходящую вниз. Я повиновался и стал спускаться. Каждый шаг вызывал тихий, убаюкивающий звон. Лестница кончилась, и я увидел спиральный туннель. Чудо техники древних строителей, он соединял береговую башню с оранжевым дворцом посреди озера. Туннель из голубого прозрачного янтара буравил толщу воды, выводя на балюстраду оранжевого дворца. От озера веяло свежестью, и она возвратила меня к действи-

тельности. Я вспомнил об Астоне. Где он? Где Грэндрейн? Что случилось с Марион за это время? Мое внимание привлекла раскрытая книга на подоконнике. И тут я необычайно остро почувствовал тоску одиночества. Где люди, люди, населявшие эти дворцы, толпившиеся, высекавшие эти статуи, повелевавшие, где они? Только вещи остались, вещи, которые стали мне ненавистны без хозяев, мертвые, ничьи и ненужные.

В комнате, где лежала книга, никого не было. Я схватил ее, ища разгадку тайны народа, и замер над титульным листом. Это был «Фауст» Гете в подлиннике. Так значит Грэндрейн здесь, а эта комната — его рабочий кабинет. На столе лежали рукописи. Дрожащей от волнения рукой я стал перелистывать страницы. Только страх не давал мне возможности сосредоточиться, но все же я лихорадочно глотал страницу за страницей, из которых по воле Грэндрейна вставали отрывки картин истории Янтарной страны.

Три цирка Янтарного озера, Оранжевого дворца и Янтарного города (там негры производили раскопки) были населены племенем куцимайев. Кто они — неизвестно! Но письменность их хранит память о паническом бегстве от берегов великого моря, которое много лет гнало их на восток, похоронив в своих недрах большое царство. В трех цирках остатки народа нашли пристанище. Ни одна весть не приходила извне и, несмотря на это, куцимайи подняли культуру очень высоко. Любимым материалом для изделий, построек, украшений был янтарь. Они добывали его искусственным путем, как каучук, из растительных смол, культивируя вымершие породы деревьев. Янтарь служил им для погребения, в него замуровывали умерших, смола оказалась наилучшим средством для бальзамирования.

И вдруг пришел конец. Он нигде не записан, никто не запечатлел для потомства истории гибели страны. Я читал, как объясняет гибель Грэндрейн. Он утверждал, что начало конца положила любовь властителя куцимайев к дочери простого янтарного мастера... Он не добился ее любви и отомстил, замуровав ее заживо в янтаре. Народ восстал и

осадил цирк Оранжевого дворца. Народ не знал тайн — проходов через горы — и потому осада длилась много месяцев.

Победа пришла вместе с изменой. Слуги тирана убили его, набальзамировав янтарем. И все умерли, весь народ погиб. Как? Грэндрейн говорит, что тиран отравил воду горных ручьев. Он находил тысячи скелетов в позах, говоривших о мучительной, неожиданной смерти. Быть может, он прав.

Шелест прервал чтение. Ветер бегал по страницам книг. Я закрыл окно и встретился взглядом с изображением Марион в стекле. Несомненно, это была она или женщина, поразительно похожая на Марион. Кто это? Зачем ее изображение повсюду?

Чьи-то шаги гулко прозвучали в коридоре. Крадучись, я вышел из комнаты и услышал стук запираемой двери и голос Грэндрейна. Я припал к стеклу в двери.

Грэндрейн, сидя в кресле, не сводил глаз с лазурной янтарной призмы в человеческий рост. А из нее смотрела на Грэндрейна Марион. Нет, конечно, это был только двойник Марион: та молодая женщина, чьими изображениями были усеяны стены дворца. Ни одна мелочь не говорила о тлении. В легкой открытой тунике, стянутой на талии серебряным поясом с красной янтарной застежкой, она, казалось, дышала: кровь окрашивала щеки румянцем, и свежий рот был полураскрыт от глубокого вздоха.

— Каарис, Каарис, — бормотал Грэндрейн.

Ах, так вот кто — эта женщина. Во славу ее тиран и создал эти бесчисленные изображения на стенах. Марион-Каарис!! Какая удивительная игра судьбы и природы. Но было не до размышлений. Грэндрейн стонал и плакал, обнимая камень. Значит, Астон бывал здесь: об этих мертвецах он-то и говорил вечером накануне бунта. Я отвел взгляд в сторону и столкнулся глазами с черноволосым мужчиной в пестрой мантии. Меня потряс блеск его глаз, злобных и жестоких, пронизывавших лиловую янтарную массу призмы.

Спина Грэндрейна загородила от меня лиловую призму мужчины. Голос его (какой голос — почти вой) звучал ненавистью и отчаянием:

— Будь ты проклят, Гласс, будь проклят!!

Подсматривать дальше мне было стыдно, и я бросился бежать по коридору. А за мной гнались бурные потоки слов:

— Каарис, любимая, очнись! Я оживил тебя, ты ведь только спишь.

Мне слышались какие-то звуки в другой стороне. Прислушался: откуда-то снизу раздавался смех. Люди — это несомненно. Но какие? Блеснула догадка: Астон.

Я поборол невольную дрожь и снял с колонны большую вазу. Защита ненадежная, но другого оружия нет. С вазой наготове, я обходил комнату за комнатой. Астона не было. В полутьме я задел сапогом какой-то предмет, который громко прозвенел. Я поднял его. На ладони лежала монета, но не круглая, а шестигранная, с изображением Каарис. Под ногой поддалась плита; я нагнулся и увидел кучу золотых шестигранников. Астон был здесь и в этой невзрачной комнате он нашел золотой фонд Янтарной страны. Астон обокрал Грэндрейна.

Наложив монетами вазу, я побежал назад.

— Грэндрейн! Астон открыл клад!

В руке Грэндрейна блеснул револьвер.

— Вы следили за мной или за Астоном? — хрипло спросил он.

— За Астоном.

— Благодарю. Сейчас время действовать. Вперед!

Он вел меня через лабиринт комнат и зал. Динамика взлетающих колонн, сплетающихся сводов начала меня утомлять. Я на ходу рассказывал Грэндрейну о кладовой, о бунте, мы бежали уже вдоль балюстрады, о которую бились волны озера. Грэндрейн вскрикнул. Вдали, по лестнице, ведущей с террасы на террасу, поднимался Астон. Он нес мешок с большим грузом, об этом говорили его медленные и напряженные движения. Догнать его было немыслимо. Мы только еще вышли на берег, как фигура словно прошла через стену и тотчас же раздался взрыв. Негодяй взорвал проход в цирк Янтарного озера, где расположился караван.

— Военные действия открыты, — улыбнулся Грэндрейн. — Ничего, мы пойдем через мой склад янтаря.

Узкая щель привела нас к отверстию. На прилегающих к нему скалах были следы недавнего взрыва. Астон поработал и тут. Ползком мы с трудом пролезли под глыбой, завалившей дыру, и услышали голоса.

— Астон и негры в складе, — шепнул Грэндрейн.

— Грэндрейн, — раздался голос Астона, — нас 21 человек. Предлагаю зайти ко мне и мирно побеседовать. Гарантией мира будут служить 18 черномазых. Шлю их вам.

Массивная дверь приоткрылась и в узкую щель Гонагойя выбросил негров.

Отступить было некуда. Мы выбрали наступление. Грэндрейн вошел первым, я последовал за ним и упал под ударом Гонагойи. Падая, я увидел лежащего Грэндрейна и Марион, опутанных веревками. Астон с винтовкой в руках невозмутимо курил. Дверь скрипела и в нее время от времени высовывались черные физиономии, бормоча:

— А деньги платить? Мы хотим домой к жена. Деньги давать!

— Воц, — в бешенстве заорал Астон. Негры заупрямились, но в ту же минуту были выброшены за дверь пинком

ноги.

Астон положил винтовку на дверь и стал методически расстреливать негров, считая... — Один, два, три, четыре, пять, шесть...

Я увидел Гонагойю, поднявшегося высоко по стене пещеры. Черное тело его слилось с черным камнем. Руки и ноги его все время скользили и скатывались, не находя опоры, но он всем телом цеплялся за камень и все полз и полз, вгрызаясь руками, зубами о выступы камня.

— Семь... Восемь... Девять... Десять... Одиннадцать...

Астон сделал перерыв, Гонагойя лез все выше и выше. До края стены оставался метр. Еще несколько усилий — и он спасен. Всеми чувствами пленника я страстно жаждал его спасения.

— Двенадцать... Тринадцать... Четырнадцать... Пятнадцать...

Стрельба возобновилась. Гонагойя был уже у самого края. Его правая рука оторвалась, левая метнулась беспомощно в пространство; я с ужасом приготовился увидеть его падение, но он втиснулся коленом в камень, ушел головой в скалу и удержался.

— Шестнадцать... Семнадцать... Восемнадцать... А где девятнадцатый?..

Гонагойя схватился за край стены. Оттуда посыпалась камни. От неожиданности Астой выронил трубку.

— Ага, вот где!!..

Грянул выстрел, и в одном футах от головы Гонагойи брызнул фонтан осколков. Второй — из ноги Гонагойи полилась кровь. Последним усилием он подтянулся, вскарабкался на край и скрылся за гребнем.

Астон устало опустился на ящик.

— Отдохнуть надо. Восемнадцать... — нелегкая работа.

В стороне стояла желтая янтарная призма с замурованным воином. Стройный черноволосый юноша выдвинул на полшага ногу и вытянул вперед руку с туго натянутым луком. В тетиву упиралась длинная стрела с острым металлическим наконечником. Глаза воина пристально смот-

рели вдаль, как будто он готовился пустить певучую стрелу в невидимого врага.

Я подумал о том, что скоро буду мертв, как этот воин, и закрыл глаза. Звуки скрипучего голоса Астона открыли мои веки.

— Ну-с, дорогой Грэндрейн! Вы любите лобызаться с мертвыми камнями, я же предпочитаю реальные радости. Деньги у меня есть, укажите, как выбраться из этой трупщобы. Награда — жизнь. Продолжайте бродить среди мертвецов и декламировать любовные стишки, а я уеду с вашей помощью. Итак, слово за вами. Дайте карту и укажите маршрут.

Молчание было ему ответом. От гнева на лбу Грэндрейна вздулись жилы.

— Вы сердитесь? Напрасно. Советую одуматься. Эх, простак, простак! Удивительно, что вы заметили сходство между Марион и дохлой принцессой. А что в вас Марион влюблена, как кошка, не заметили? Так вот что. Если не скажете маршрута, я расколю вашу янтарную бабешку, вас пристрелю, а живого двойника, Марион, прихвачу с собой, показав вам перед смертью, какая разница между ласками янтарной куклы и живой красавицы.

Он заливчато рассмеялся и двинулся к Марион.

Внезапно раздался грохот и словно сквозь сон я увидел падающего навзничь Астона с трепещущей стрелой в сердце. Огненные круги завертелись предо мною, и я лишился сознания.

Только значительно позже я понял случившееся: Гонгоя столкнул глыбу, она рухнула на замурованного воина и расколола призму так, что тело как бы выскочило из нее; пальцы воина разжались, и стрела убила Астона.

Только трое ушли из Янтарной страны. Грэндрейн вез на верблюде призму с замурованной Каарис. Часами он обнимал холодный камень и спал около него, пробуждаясь для

бессвязных бредовых излияний. Рассудок угасал в нем. Лишь однажды на привале в безумных глазах мелькнули искорки разума. Он сказал Марион:

— Милая Марион, я вас люблю, но... — свет угас и не-твердым, вялым голосом он закончил, — я женат на Каарис и не могу с ней расстаться.

Часами он твердил о том, что оживит Каарис, что врач может снасти ее в момент, когда янтарь будет расколот. Он ждал приезда в город и вечерами долго глядел на восток, где должны были замаячить городские огни. И вот, не дождавшись, во время одного из привалов, он расколол лазурную призму,

И мы стали свидетелями чуда: прекрасные руки Каарис ответили на объятия. Они медленно сошлись на спине Грэндрейна, тесно охватив его шею. Дикий крик вырвался из груди Грэндрейна, и он повалился на землю, не выпуская тела возлюбленной.

Он был мертв. Мы долго пытались разжать холодные руки прекрасной Каарис, но безуспешно. В глубокую могилу мы опустили эти два тела, слившиеся в смертельном

объятии. Музыкой погребальной пели золотые шестигранники, дождем осыпавшие мертвые тела.

И вдвоем с Марион мы продолжали путь на восток по песчаному океану, оставляя позади себя мертвую красоту цирков Янтарной страны и могилу последних властителей ее — Грэндрейна и Каарис.

ДОЛИНА СТРАУСОВ «РУК»

Илл. Н. Кочергина

Долина страусов

"РУК"

I.

— Единственная свободная комната, сэр. Очистилась только что. Лорд Бенторф вызван телеграммой в Лондон.

— Можете идти. Я беру эту комнату.

— Будут распоряжения?

— Я не спал две ночи, не беспокойте меня до утра.

Я запер дверь за спиной отельного служащего. Косые лучи солнца смотрели в два широких окна мягко и устало. Я прошел в изящную уборную с запахом незнакомых духов и умылся свежей водой, сладостно обласкавшей мои щеки, обожженные беспощадным солнцем и яростными самумами пустыни. Вернувшись в комнату, увидел на подушке постели бланк телеграммы. Глаза, слипавшиеся от усталости, прочитали:

«Лорду Джону Бенторфу. Немедленно приезжайте. Вилла подыскана. Обстановка. Библиотека десять тысяч томов. Подлинный Рубенс, Рембрандт, Коро. Парк. Лес. Пляж. Луга.

Фермы. Цену в шестьсот тысяч ваш текущий счет выдерживает. Биггльс».

II.

Я проснулся. Стул с грохотом катился по паркету. Рассекая лунный свет, голубым туманом напоивший комнату, коренастый человек бежал ко мне от распахнутой двери балкона. В лунном сиянии вспыхивали россыпью красных искр его рыжие волосы. В правой руке человека холодно взблескивал револьвер, через локоть левой руки была переброшена кольцеобразно свернутая веревка. Но не эти аксессуары убийства и плена задержали мой взгляд. Глаза мои жутко приковались к голове и изогнутой шее огромной птицы, которая, стоя на земле, заглядывала громадными черными блестящими шарами глаз через перила балкона во второй этаж отеля. Проснулся ли я или продолжал витать в стране снов, я не знал.

III.

Я очнулся, открыл глаза. Ослепительный солнечный свет дробился в трепете жемчужного воздуха. Я лежал, привязанный веревками к синей спине громадной птицы. Она летела вихрем на страшной высоте над землею. Свист синих гигантских крыльев вливался в уши сильным, стремительным шумом. Воздух, который мы рассекали в ураганном полете, хлестал мне в лицо, и по тому, как он упруго ударялся о лоб и щеки, я мог судить о необычайной быстроте удивительного полета сказочного великана-птицы.

Мысли путались, сбивались. Голова сильно болела от хлопоформа.

С усилием я приподнял ее. Перед моим синим страусом летели два других: белый и черный. На них полулежа-

ли два человека в широкополых шляпах. Позади меня летел четвертый страус, переливающийся в солнечных лучах дрожащим пламенем красного оперения. На спине у него лежала пленница. Подол ее платья развевался от ветра, на желтую ткань красные перья страуса проливали дрожание оранжевых отсветов. Мощными ударами пламенеющих крыльев просвистав в воздухе, красный страус поравнялся с моим синим. И я увидел в синеве больших миндалевидных глаз пленницы не ужас, не тоску, не страх, нет: сияние восторга. Нет сомнения — она не страшилась плена. Ощущение фантастического полета давало ей, как и мне, ни с чем несравнимые переживания.

Раздался зычный крик впереди. Я приподнял голову, хотя веревка резала мне плечо. Человек в широкополой шляпе повернул черную птицу направо. Он в горячем возбуждении кричал что-то своему страусу, подавшись вперед широким корпусом; охватив левой рукой упруго изгибающуюся шею птицы, правой рукой он показывал на восток.

Черноперый великан послушно ринулся в указанном направлении. Рокот мотора пересилил в моих ушах шумные всплески страусовых крыльев. Черный страус вихрем летел на аэроплан. Я увидел быстро растущий резной силуэт механической птицы из алюминия. Над рулем приподнималась любопытно или испуганно фигура человека в сером шлеме. Пружинным полетом страус настиг аэроплан и пальцами обоих ног выхватил авиатора из кабинки. Аэроплан, крутясь, падал вниз. Страус летел некоторое время, держа трепещущее тело летчика крепкими ногами с такой легкостью, как будто это была фигурка из картона. Потом, по приказанию человека в широкополой шляпе, он разжал ноги, и несчастная жертва описала жуткую дугу падения в воздушную вихревую бездну.

Черный страус вернулся к своим товарищам. Он изгибал шею, вертел головой. Мне казалось, он страстно хотел что-то отрицать. Быть может, он слагал с себя ответственность за смерть летчика. Казалось, он говорил, что он — только слепое орудие в руках своего властелина, который был настоящим убийцей.

Я чувствовал приступы тошноты после вдыхания паров хлороформа. Страшная жажда жгла мне гортань. Я лишился чувств.

IV.

Сознание ко мне вернулось. Воздушная кавалькада страусов пролетала над хаосом гор. Глубоко внизу чернели ущелья, пропасти, обрывы, россыпи камней. Реки извивались, кипели водоворотами. Здесь и там свергались водопады, поднимая жемчужные облака водяной пыли.

Но вот горы остались позади. Внизу расстилалась холмистая местность с пальмовыми и банановыми рощами.

Страусы стали снижаться на площадку, где стоял дом с крышей из сухих листьев равенала, «деревя путников». Из-под навеса около изгороди, построенной из крепких стеблей пальмы рафии, размашисто выбежали шесть огромных страусов. Они заметили своих четырех братьев, возвращающихся из путешествия и, снявшись с земли, красивым полетом поднялись к нам навстречу, окружили нашу стаю, со странным трепетанием крыльев летели рядом с нами, терлись шеями о шеи наших огромных птиц. Один страус, с золотым пышным оперением, на лету нежно хватал и потом разглаживал плоским клювом складки желтого платья пленницы.

Мы спустились на двор возле ручья, журчащего вдоль изгороди. Страусы, встречавшие нас, блистая огромными глазами, немного наискосок поставив головы, с любопытством следили, как люди в широкополых шляпах развязывали веревки, чтобы освободить пленников. Несколько великанов отбежали к кормушкам под навесом.

Люди в широкополых шляпах ввели меня и пленницу в сырую комнату, освещенную единственным окошком, узким, прорезанным высоко, под потолком. Стены были грубой каменной кладки, а всю мебель представлял стол и два пустых деревянных ящика. Мы, пленники, опустились на

эти импровизированные кресла. И бандиты, оба враз сняв широкополые шляпы, представились нам, мрачно улыбаясь:

— Мистер Роккер. Мистер Тим.

«Мистер» Роккер, широкоплечий рыжий бандит, выступил вперед и сказал:

— Вы будете нам повиноваться, чтобы мы вам ни приказали исполнить. Почему так, джентльмены? Вы это скоро узнаете. Через полчаса будет обед. Приготовьтесь...

Левая косматая бровь саркастически запрыгала над желто-зеленым глазом.

— До скорого свидания, лорд Бентфорд... До скорого свидания, очаровательнейшая мисс Мальви...

V.

Тяжелый засов грубой двери громко лязгнул. Мы остались вдвоем. Пленница, при последних словах Роккера вскочившая с ящика, стояла с неподвижным взором широко раскрытых синих глаз, схватившись рукой за грудь.

— Мальви... — прошептала она чуть слышно.

Я помог ей опуститься на ящик, заменявший стул. Теперь ее широко раскрытые глаза быстро меняли выражение, возбужденно мерцая смелыми отсветами деятельной мысли. У меня возникла догадка.

— Вы хотите сказать, — проговорил я, — что профессор Мальви...

— Мой дядя! — Он здесь! — глухо вскрикнула она. — Они привезли меня к нему! Они ошиблись! Меня зовут Иветта Габриель Ренье.

Она заговорила спокойнее.

— Жанна Мальви уехала в университет. Я осталась одна. Они не знают Жанну в лицо. Они приняли меня за нее. И вот, наши двухлетние поиски неожиданно увенчались успехом: дядя — найден!

Она спрашивала меня своим синим взглядом:

— Но с какой целью бандиты хотели привезти дочь к отцу? На чем они строят свою игру? Вы мне поможете... лорд... как вас?

— Лорд Бентфорд! — Такой же лорд, как вы — дочь профессора Мальви, — сказал я, с радостью отметив улыбку на усталом лице товарища по несчастью.

VI.

Прогремел засов, и по знаку рыжего Роккера мы покинули свою тюрьму. Лестница с неровными гранитными ступенями привела нас во второй этаж. На площадке лестницы было две двери. Роккер вошел в правую дверь, через которую доносился хриплый смех Тима. Я переступил через порог.

Острая боль прожгла мне сердце: я увидел профессора Мальви. Он сидел на деревянной лавке посреди комнаты, прикованный четырьмя цепями к трем стенам и потолку. Иветта Габриель бросилась к старику с криком:

— Папа!

Профессор трясущимися руками, худыми, как палки, обнимал плечи припавшей к его коленям Иветты Ренье, и срывающимся голосом спрашивал.

— Ты?.. Ты?..

Длинные пряди волос упали ему на лоб, закрывая заветной впалые измученные глаза.

Роккер и Тим широко и зловеще улыбались, созерцая картину столь ловко сложенной ими «встречи отца с дочкой», и левая бровь Роккера, жившая самостоятельной жизнью, извивалась и подергивалась, как будто плела ведомую ей одной сеть коварных замыслов.

— Дядя! — прошептала Иветта Ренье по-французски. — Это, я Иветта! Надя жива, здорова. Бандиты ошиблись. Делайте вид, будто вы признали во мне свою дочь, иначе...

С пеной у рта, сведенного судорожной grimасой злобы, Роккер прыгнул к Иветте и мощной рукой оторвал ее от профессора.

— Молчать! — прохрипел он, задыхаясь. — Ни слова ни на одном языке, кроме английского. За заговоры против меня и Тима — порция свинца в череп!

Мы разместились на скамейках за большим столом, одна половина которого, заставленная многочисленными приборами, представляла собой химическую лабораторию профессора Мальви.

— Досточтимый профессор, — сказал Роккер, — сегодня у нас шикарный обед! Поездка в город, не считая партии химических материалов, приобретенных согласно вашему списку, дала нам случай раздобыть наших гостей (поклон и танец брови) и гастрономию. Старина Тим — чудотворец. Он лишь немногим уступает апостолу Петру. Тот открывает двери рая, а дружище Тим открывает сейфы и массивные двери запертых магазинов. Угощайтесь! Вино, бисквиты, сыр, ветчина, чудеснейший ром! Прелестные кексы к вашим услугам, мисс. Не буду болтать, но, дорогой профессор, теперь, когда ваша дочь здесь, вы отбросите свое упорство и сообщите нам рецепт изготовления «пищи страусов Рук»...

Наступило молчание. Ультиматум бандитов был ясен.

VII.

Долгую ночь в сырой каменной комнате я провел без сна. Мысль горела напряженным огнем. Напрасно. Я не мог придумать плана освобождения профессора из плена бандитов. Незадолго перед рассветом я уснул.

Наутро меня и Иветту Ренье вывели во двор. Сияло жаркое мадагаскарское солнце. На широком дворе резвились огромные птицы. Некоторые, нежась в раскаленных солнечных лучах, лежали на горячем песке. Золотой страус, блистающее оперение которого сверкало золотыми каска-

дами больно для глаз, неотступно следовал за Иветтой Ренье, временами проводя клювом по ее желтому платью, которым он заинтересовался больше всего на свете. Быть может, он принимал женское платье за человечесьи перья и недоуменно спрашивал путешественницу: «Почему ты не летишь? Ну, ну, попробуй разок!»...

Тим и Роккер расположились под навесом играть в карты.

— Посмотрите, у Тима, мой кошелек! — негромко сказала Иветта Ренье, останавливаясь против меня.

— А рыжий Роккер прикарманил мое портмоне, — ответил я, кажется, улыбаясь.

Через минуту Роккер проиграл все мои деньги.

— Довольно играть, — сказал Тим, собирая серебро, ассигнации и карты.

Но Роккер хотел отыгаться. Узкие щелки его заплывших глаз горели неудовлетворенным азартом. Короткая рука выбросилась вперед, прикрыв потной ладонью рассыпанные карты.

Левая бровь у него судорожно дергалась, измышляя какую-то гениальную комбинацию. И вот он встал, подошел ко мне и, отогнав в сторону золотого страуса, под ногами которого он только что прошел, как между двумя колоннами, — профессиональным жестом приставил револьвер к моему виску и сказал:

— Пиши мне чек на десять тысяч фунтов стерлингов, иначе...

— Не продолжайте, — прервал я. — Конец формулы банкетов знаю наизусть: «иначе — порция свинца в череп».

Доставая самопишущее перо из кармана на груди, я выронил из него скомканный листок телеграммы. Роккер поднял его, прочитал и зарычал от восторга:

— Шестьсот тысяч фунтов! Три миллиона звонких долларов! Клянусь страусами, милорд, вы сию минуту напишете мне кучу чеков на все три.

Он ткнул холодным дулом револьвера мне в левый висок.

— Я напишу вам грудку чеков на миллион фунтов стерлингов, — сказал я с готовностью, самой искренней, — если вы освободите профессора Мальви.

— Если вы скажете еще одно слово, я спускаю курок.

— Не вполне верю, чтобы вы так опрометчиво поспешили: я не написал еще ни одного чека.

— Вы не хотите писать чеков, милорд? Вздор. Вы напишете их, сколько бы я ни потребовал. Стоит нам посадить эту прелестную мисс на цепь рядом с профессором, чтобы вы...

— Я напишу достаточно чеков, но с условием: вам и Тиму по равной сумме.

— Чрезвычайно приятно, — поклонился галантно Тим, — иметь дело с истинным джентльменом.

А Роккер сумрачно прорычал:

— Поровну? Несправедливо, клянусь страусами!

С легким сердцем я написал несколько чеков на огромные суммы и отдал негодяям, с загоревшейся надеждой:

— Когда вы улетаете получать по чекам?

— Не раньше, чем профессор сообщит нам рецепт приготовления «пищи страусов Рук», — погасил мою надежду Роккер, рассовывая по многочисленным карманам свою долю проблематических чеков. — Но не будем терять времени. Я человек деловой. Время — деньги. После завтрака мы летим в долину страусов «Рук».

VIII.

В тени под густыми, роскошными гроздьями листьев кордилии золотой страус, качаясь, подгибая огромные ноги, опустил пышный корпусом на песок. Иветта Ренье обняла повернувшуюся к ней голову страуса, гладила короткий султан золотых перьев у него на затылке. Черные блистающие шары страусовых глаз смотрели на нее по-человечьи — влюбленно. Иветта Ренье полулегла на золотую спину, погружаясь в атласное золотое мягкое ложе. Страус

поднялся на ноги, и Иветта Ренье, перегибаясь через широкое плеча гиганта, крикнула мне сверху:

— Не правда ли, милорд, эти страусы — наши лучшие союзники?

Рыжий Роккер, деловито приспособляя плетеную корзину к спине своего черного воздушного коня, громко сказал:

— Предупреждаю вас, мисс, и вас, сэр! Малейшее движение против меня и Тима жесточайшим образом отзовется на профессоре. Вы можете улететь от нас на этих своих воздушных «союзниках», но... но профессор тысячу раз вспомнит великого инквизитора Торквемаду. Словом, мысль о побеге — не для вас. Эй, Тим, все ли готово к путешествию в долину страусов «Рук»?

Наши страусы взвились на воздух. Меня нес на могучей спине прежний синий гигант. Внизу, в дрожащем мареве солнечного зноя, толпились пальмы, разливались обольстительные лужайки, усыпанные пестрой пылью цветов. Страусы неслись совсем невысоко над землею, и поэтому быстрота полета была оглушительнее вчерашней, когда мы делали перелет на очень большой высоте. Огромные крылья свистели в воздухе странную свирелью. Мы перелетели через волнистую гряду холмов и стали пересекать живописную долину спокойной реки, покрытую купами веселых кустарников. Тим и Роккер заставили своих страусов подняться на большую высоту. И золотой страус Иветты Ренье, и мой синий взмыли вверх вслед за своими товарищами.

Огромная панорама открылась нашему взору. Девственная страна, наименованная профессором Мальви «долиною страусов Рук», открывалась внизу во всей своей нетронутой красоте.

Страус Роккера, возносясь крутой спиралью, поднялся выше всех, — и вдруг замер на одном месте, горизонтально распластав в знойном сапфире воздуха черные паруса огромных крыльев, вибрация которых была совершенно неуловима взглядом. Роккер быстро поднялся на ноги и, стоя во весь рост на широкой спине страуса, как на черной резной

яхте в океане светоносного воздуха, поднес к глазам бинокль, пристально обозревая лучистые дали.

— Страусы «Рук» на юге, у подошвы скалы на берегу озера! — крикнул он.

И направил полет своего черного великана к южному берегу озера, разостлавшего под солнцем ровную водную скатерть густого отлива цвета индиго. Озеро круглым замкнутым бассейном покоилось, как многие озера Мадагаскара, в кратере давно потухшего вулкана.

Пристально всматриваясь в указанном направлении, я увидел больше десяти огромных птиц — легендарных страусов «Рук», современных представителей древних эпиорнисов, которые считались вымершими единственно потому, что раньше экспедиции профессора Мальви ни одна человеческая нога не ступала на девственную почву этой прекрасной долины, опоясанной непроходимыми лесными дебрями и каменным головоломным хаосом скал.

Купаясь в прибрежном песке, как куры в дорожной пыли, дикие великаны отрывисто взмахивали обрубками своих крыльев. Эти конечности вовсе не походили на мощные, огромные, как паруса, крылья наших прирученных страусов «Рук», со дня выхода из яйца употреблявших для роста перьев «пищу страусов Рук», изобретенную профессором Мальви.

Дикие гиганты, заметив наше приближение, сначала разбежались в стороны. Двое из этих простодушных великанов с трогательной наивностью зарыли голову в песок, думая спрятаться от своих великолепно оперенных братьев, внешний вид которых исключал возможность мысли о кровном с ними родстве.

IX.

Наши страусы спустились на берег озера и бережно сложили свои крылья, легшие эластично вдоль боков и длинного хвоста, пушистого от массы перьев, которые ко-

лыхались струистыми каскадами мягких султанов. Мы восседали на могучих спинах, на высоте десяти футов над землей, и покачивались в ритм широких саженных шагов наших гигантов.

Тим и Роккер достали из брезентовых котомок куски серой страусовой пищи и поделились ими со мною и Иветтой Ренье.

— Не вздумайте, дорогая мисс, отведать этой пищи! — сказал Тим. — А то вы через полчаса обрастете бородой библейского патриарха...

Золотой страус подошел к белому дикому брату и протянул ему в клюве комок пищи, полученный от Иветты Ренье. Дикий «Рук» недоверчиво уклонился в сторону, но золотой страус так настойчиво предлагал ему ароматный корм, что дикарь сдался. Он проглотил вкусный комок и с блеском в глазах явно просил дать ему второй кусок. Иветта Ренье протянула ему пищу на ладони, и эпиорнис порывисто схватил пищу и съел.

Тим передал мне котомку с кормом. Я раздавал куски направо и налево. Золотой страус шел впереди, мой синий следовал за ним, дикие великаны не отставали от нас, и мы незаметно поднялись на вершину пологого холма, вытканного прихотливыми узорами огромных сияющих цветов, которые сочили в воздух радужный яд сладких и тяжелых своих благоуханий.

Два револьверных выстрела заставили меня оглянуться. У подножья прибрежной скалы Тим и Роккер быстро, но бережно перекладывали гигантские страусовые яйца из гнезд в широкие корзины, укрепленные на спинах своих черных страусов, послушно лежащих на песке. Две огромные дикие самки корчились на земле возле гнезд в предсмертных судорогах.

Дикие страусы заметили гибель самок и похищение яиц и со страшным шумом бросились бежать к берегу озера, трепеща обрубками крыльев, чтобы ускорить быстроту бега. Но Тим и Роккер вскочили на своих воздушных коней и взмыли на воздух, рея над берегом в чистом, безмятежном сиянии солнечных лучей. Несчастные птицы внизу жалко

подпрыгивали в тщетных попытках подняться на воздух. Один дикий «Рук» взбежал на скалу и с разбега бросился с обрыва в воздух, но обрубки крыльев не понесли его по воздуху, и он упал вниз на острые обломки камня, разбив грудь, из которой брызнула горячая кровь.

Х.

Мы вернулись домой с охоты за страусовыми яйцами. Двор продолжал опалаться тяжелым гнетом неистового мадагаскарского солнца.

Но страусовое население не встретило нас, как сделало это вчера. Птицы лежали на дворе вразброску в полудремоте на горячем песке.

Тим и Роккер сняли корзины со спин черных страусов и поставили их перед порогом дома.

— Черт возьми! Жарко! — сказал Тим, вытирая пот со лба грязным платком и, одновременно, выпивая через горлышко остатки рома из заветной бутылки. — Не сыграть ли нам на яйца, дружище Роккер?

— Сыграем! — согласился Роккер, присаживаясь на гранитный порог и незамедлительно раздобывая потрепанную колоду из глубокой шахты засаленного кармана.

— Каждое яйцо — все равно, что страус! — говорил он, сдавая карты и глубокомысленно извивая левую бровь. — Страусенок на пище профессора Мальви вырастет с крыльями, что твой паруса на «Летучем голландце»... Клянусь страусами! За этих милых пичужек зоологические сады Лондона, Парижа, Берлина отольют мне славную монету! Я — человек деловой. У меня, как у Рокфеллера, чеков полны карманы, но выручка за страусов не помешает. Я — человек хозяйственный... Слушай, Тим! если ты, бандит, еще раз сплутуешь, — бровь у Роккера задергалась угрожающе, — то, клянусь страусами, раньше срока устрою тебе в небесных палестинах приятную встречу с твоей покойной бабушкой...

Я заметил вороватый взгляд Тима. Несомненно, он плутовал.

— Я — человек со смекалкой! — ораторствовал Роккер и подкрутил рыжие усы. — Усы я отрастил, проглотив четыре порции «пищи страусов Рук»... Досточтимый сэръ, милая мисс, видите вы мою художественную рыжую шевелюру! Клянусь страусами, голова у меня поросла непролазными чашами... Тим! Час твой пробил!

Роккер выхватил из корзины громадное яйцо величиной с полведра и с треском обрушил его на голову Тима.

— Вот тебе за козырного туза, которого ты, плут...

Тим с визгом вскочил на ноги, но страшный удар другим яйцом в темя заставил его упасть на четвереньки. Ослепленный семью литрами липкой жидкости, он со звериным криком бросился под ноги Роккеру, и бандиты опрокинулись в корзину, барахтаясь среди лопающихся яиц, представляя собою живую яичницу.

Мгновение показалось мне подходящим для нападения. Если бы у меня была в руках веревка... Я оглянулся вокруг, глаза у меня жадно остановились на мешке, обвязанном крепким кожаным ремнем. Но в этот миг пуля провизжала у меня над правым ухом и Роккер, подняв над бортом корзины рыжую всклокоченную голову в скорлупе, в смеси желтка с белком, хрипло прокричал, вытянув вперед руку с огромным револьвером в волосатом кулаке:

— Эй, милорд! У Роккера — глаза на затылке! Внимание! Один миллиметр над вашим левым ухом!

И он пустил пулю, тонко взвизгнувшую над левым ухом.

— Если я тебя не уложил, как дикого страуса, — резонерствовал Роккер, — то лишь потому, что еще не выдоил все золотое молоко из твоих сейфов!

Бандиты выкарабкались из корзины, мокрые от раздавленных яиц и, к моему немалому изумлению, протянули друг другу скользкие руки.

— Дружище Тим!

— Дружище Роккер!

— Ты не виноват, Тим!

— И ты, старина Роккер!

— Будь проклят ученый старикашка, — кричал Роккер, отдирая со своей любимой брови быстро сохнувший яичный желток. — Я — капитал без движения! Я связан по рукам и ногам! Мне нет ходу! Старик держит при себе свой секрет! О, я бы давно превратил его мозг в яичницу, как вот эта в корзине, если бы он не был мне нужен! Как, лишившись его, я смогу выращивать крылатых страусят без его пищи?!

Роккер и Тим долго мылись у ручья возле изгороди, чистили свое платье и ругали профессора Мальви.

Бандиты привели себя в относительный порядок и деловито зашагали к дому.

— Побудьте здесь, пока мы не позовем вас к профессору для весьма важной деловой беседы, — сказал значительно Роккер и выловил из своей рыжей шевелюры последний кусок скорлупы. Бандиты скрылись за дверью.

XI.

Два черных страуса, на которых Тим и Роккер привезли яйца диких эпиорнисов, подбирали с земли остатки серой пищи. Золотой «Рук» Иветты Ренье и мой синий подошли к черным страусам, но их клювы, шарящие по земле, подобрали только несколько крошек.

— Бедняги, — сказала Иветта Ренье, — они сегодня голодные...

Вдруг она побледнела. Белый страус, на котором она сейчас лежала, отдыхая, как на мягком диване, уронил голову на песок и глаза у него стали совсем тусклыми. Я подошел к нему и потрепал ладонью по шее. Шея была холодна. С дрожью в коленях, я нагнулся к голове, лежащей на песке. Страус был мертв.

— Посмотрите! — вскрикнула Иветта Ренье с испугом и указала на двух черных страусов.

Глаза у них блуждали. Шатаясь, великаны тихо брели к нам и рухнули на землю. У самых ног Иветты Ренье лежали огромные бессильные птицы в жалких, трепетных содроганьях еще недавно мощных мышц.

Иветта Ренье тихо сказала:

— Они сейчас поели остатков корма и...

Плечи у нее дрожали в ознобе, несмотря на гнетущий солнечный жар.

— А те, которые съели свою порцию раньше, — уже умерли, — сказал я.

— Мой золотой...

— ...И мой синий застали только крошки. Смотрите, они — бодрые, сильные...

Мы перебегали от одного страуса к другому. Все, за исключением золотого и синего, лежали огромными мертвыми массами на середине двора, под навесом, около изгороди, у входа в склад провианта и орудий.

XII.

Мы осторожно поднимались по лестнице. На верхней площадке правая дверь была открыта. Через нее явственно доносились слова профессора, перемежаемые тихим бряцанием сковывавших его цепей.

— ... Но хорошее жалование вас не удовлетворяло...

— Тим! Дружище! — захохотал Роккер. — Профессор решил уморить меня со смеху!

— И вы, — продолжал профессор, — убили всех членов экспедиции, за исключением одного меня. Знаю, что вы убьете и меня. Но мне не жалко себя. Мне жалко страусов. Вы отняли у меня лучшую идею моей жизни.

— Чудак! — взвизгнул в восторге Тим. — Идеи?! Толстый карман — вот смысл бытия!

Профессор будто не слышал Тима.

— Вместо дорогих аэропланов, я решил дать человечеству, — как бы общедоступные воздушные велосипеды, —

этих прекрасных птиц. Они неприхотливы на пищу. Они отличаются добрым нравом. Они понятливы, послушны. Их способность привязываться к человеку трогает до слез. Ими может управлять четырехлетняя девочка, взвиваясь в совершенной безопасности на высоту более километра. Их красота приводит в восторг. Я полюбил их всей душой, и вы отняли их у меня.

— Вы — человек идеи, профессор. А я — человек дела, — захохотал Роккер. — Тим, выпьем еще по стаканчику рома.

Слышно было, как профессор плакал. Жестко, коротко звякали железные звенья вздрагивающих цепей. Профессор проговорил тихим, срывающимся голосом, как бы про себя:

— Я поступил так, как нужно.

Лицо Иветты Ренье выражало страдание. В сильном волнении поднималась у нее грудь.

— Я летал на аэроплане два раза, — медленно заговорил профессор. — Аэроплан холоден, чужд, механичен. А мои страусы... На них летишь спокойнее, чем летаешь во сне. Чувствуешь под собой живое, могучее тело верного страуса «Рук», оно слушается твоих намеков, понимает твои слова. Дикий страус «Рук», прирученный человеком, заражается силой человеческой воли и из боязливой птицы превращается в неустрашимого воздушного зверя.

— Сердечно благодарю за лекцию, профессор, — начал Роккер, — но...

— И вот, вы мучаете, пытаете меня около года со злобным вдохновением застеночных мастеров. И вы совершаете воздушные набеги во многие города... Мою идею помощи человечеству вы на моих глазах отвратительно затаптываете в грязь. Вы грабите магазины, убиваете людей.

— Профессор сменил университетскую лекцию на церковную проповедь, — сладко сказал Тим.

— Не пора ли к делу, профессор? — заявил Роккер.

— К делу? — переспросил профессор, звякнув цепями. — Прекрасно. Переходите к делу.

— Сейчас, сейчас, — сказал Роккер решительно и хотел подняться, но не мог.

По лицу профессора пробежала странная улыбка.

— Проклятый ром! Тим, слушай. Не давай мне больше рому. Он здорово крепок. На чем, бишь, я остановился? Да. Сию минуту ты скажешь нам, проклятый старик, рецепт изготовления «пищи страусов Рук», или я...

— Или вы... — подхватил профессор с неожиданной живостью.

— Клянусь страусами! — прокричал Роккер. — Сегодня в последний раз я имею с тобой дело!

— В последний раз, — тихо сказал профессор.

Роккер обрушил на доску стола страшный удар железного кулака.

— Ученая крыса! — Если не откроешь рецепта, то я сейчас схвачу твою дочь и...

— Остановитесь! — вскричал профессор резким и властным голосом. — Негодяи! Вы погибли!

Глаза профессора остро блестели от боли и торжества.

— Старик спятил с ума! — завизжал Тим, пытаясь сорваться с места, но оставаясь как бы прикованным к скамейке. Роккер выхватил огромный револьвер и, взъерошив левой рукой рыжую гриву, злобно спросил:

— Я побежден?

— Вы забыли на сегодня задвинуть решетку окна, — бросил профессор простые слова.

— Ну? — растерялся Роккер.

— Вы упились вчера вашим ворованным ромом, и он отнял у вас память...

Роккер растерянно озираясь. Глаза его горели злобно и испуганно. Он положил револьвер на стол. Враг не открывал своих карт, и поэтому и был грозен вдвойне. Профессор сказал:

— Я кормил страусов через окно.

— Говори, что это значит? — прорычал Роккер, свирепея от неизвестности.

— Вы всегда заставляли меня пробовать самому «пищу страусов Рук», чтобы я их не отравил. И вы меня стращали, что, если я отравлю страусов и отравлюсь сам, то вы заведете мою дочью...

Профессор устало провел бледной, худой рукой по белым космам своих волос.

— Сегодня подошел срок приготовить новый мешок «пищи страусов Рук». И окно было открыто...

— И ты... — прошептал Роккер. Голос отказывался ему повиноваться, а Тим совершенно потерял дар слова. — И ты...

Глаза у него стали тусклыми. Он вдруг закричал хрипло и страшно.

— Ты не мог накормить страусов отравой! Ведь тогда бы ты и сам умер! Ведь ты... ты ел эту пищу. Ты пробовал ее десять минут назад у меня на глазах!

— И я, — сказал профессор, — перед вашим возвращением из долины страусов «Рук» бросал вот отсюда эту пищу страусам в окно. И они ее ели.

— Тим... — прошептал Роккер. — Старый дружище... Никакой дьявол не мог бы так рассчитать.

И он бросил Тиму тупой взгляд больного в диком бреде. Рыжие джунгли его волос понуро повисли по сторонам бледного лба.

— Не верю! Ложь! — взорвался он криком, взматывая головой, как бык под последним смертельным ударом тоreadора. — Ты заплатишься своей жизнью! И, прежде, чем ты умрешь, проклятый старик, под моими пытками, ты увидишь, как твоя дочь...

— Моя дочь, — вспыхнул голос профессора, — в безопасности. — Вы привезли сюда мою племянницу...

— Ну? Лги до конца, лги, пока я...

— Во-вторых, умру не только я, но и...

Лица Тима и Роккера превратились в одни глаза, в которых горело безумие.

— В этих бутербродах, которые вы ели...

Профессор не договорил. В тишине негромко звякали цепи. Иветта Ренье бросилась к профессору Мальви.

— Дядя! — крикнула она. — Скажите, вы говорили неправду?

— Нет, дорогая, это — правда. Жанна и ты — свободны. Я разрубил узел. Так было нужно. Прощай, смелая. Не мо-

гу тебя обнять на прощанье. У меня уже не только отнялись ноги, но и руки...

Яд, несущий неотвратимую смерть, медленно, постепенно парализовал деятельность конечностей своих жертв, с беспощадностью оставляя только одну голову совершенно свежей до последнего момента.

— Пять пуль... — хрипел Роккер, злобно дергаясь плечами. — Пять пуль... самых больших... из огромного револьвера... Если бы я мог двинуть рукой... черт... руки... ноги... немы... Пять пуль... по килограмму... разворотить скулы старого дьявола...

Он со стоном склонился к столу, пытаясь ртом ухватиться за револьвер, спустить курок зубами. Зубы ляскали о металл, револьвер закружился под рыжим помелом бороды и упал на пол.

Лицо Тима превратилось в белую маску. Роккер рухнул на стол красною головою. Профессор Мальви остался недвижим в своих цепях, которые больше не бряцали.

XIII.

Золотой и синий страусы резали воздушный простор могучими взмахами огромных крыльев. Голубая цепь гор осталась далеко позади. Страусы стали постепенно снижаться. Их огромная энергия подтачивалась какою-то внутреннею предательской силой.

Ивета Ренье крикнула мне с золотого страуса:

— Мой бедный воздушный конь изнемогает! Ведь он тоже попробовал яду!

Мой синий «Рук» стал падать. Он выравнивал огромные веера крыльев последними трепетными усилиями. Он умирал. Он, дрожа, посмотрел мне в глаза последним прощальным взглядом с блеском такой выразительности, что сердце у меня застонало, как будто остро, мучительно заклокотав кровью.

Страусы опустились на землю, и лежали на топкой почве, дрожа в тихой, почти незаметной агонии. Пронеслось широко свежее дыхание влажного ветра. Болотистая земля сочила темную воду, готовясь засосать трупы огромных птиц в свое глубокое лоно.

Иветта Ренье, не смахивая круглого хрусталя слезы, покотившегося медленно по щеке, вырвала два пышных золотых, струисто-развевающихся пера из крыла своего золотого страуса — на память о сияющей мадагаскарской долине страусов «Рук».

И золотой гигант «Рук» последним трепетно-нежным взглядом огромных погасающих глаз простил ей свою последнюю боль и поник слабеющей головой в холодную медленную могилу болота.

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС «ЛУННОГО КОЛУМБА»

Рис. Г. Фитингофа

В МАДАГАСКАРСКИХ ДЖУНГЛЯХ

1

Если мотор вдруг перестает работать на высоте тысячи метров, нужно делать «вынужденную посадку».

Но одно дело — снизиться среди населенных равнин и другое — в глухих мадагаскарских дебрях.

Когда каш самолет опустился, мы с Иветтой Ренье увидели перед собой сияющую стену джунглей: вознесенные к небу зелеными фонтанами кроны деревьев и огненно-красные змеи лиан, перекидывавшихся от ствола к стволу.

Затем началось путешествие по джунглям. Четыре дня продирались мы сквозь темные заросли, потеряв надежду выбраться к населенным местам. Но на пятый день джунгли остались позади.

Мы пересекли пандановую рощу и в изумлении остановились. Загорелое, усталое лицо Иветты Ренье дрогнуло от восторга.

Внизу у наших ног обрывался гранитный утес. Скалы были разбиты, иссечены, выворочены, как будто недра гранитных массивов взорвала чудовищная сила тысяч пудов динамита. На дне пропасти грохотал поток. На другом его берегу цвели лесистые долины, песчаные холмы, спокойные реки. По берегам далекого озера, образовавшегося в кратере потухшего вулкана, блестели столбы базальта.

Сияющая панорама дрожала перед нашими глазами, закрытая на далеком горизонте цепью зубчатых гор.

Поток глухо рокотал в ущелье, но в его рокот врезались дикие крики, повторенные многократным эхом в глубине каменных массивов. Я поднял глаза и увидел черных голых пигмеев «танала», живших среди покатых граненых скал. Карлики бежали с копьями в руках, но не думали пускать в ход свое оружие. Их, видимо, гнал ужас. Они прыгали с камня на камень, перескакивали через широкие трещины.

И вдруг из-за высокой скалы вылетели две крылатых фигуры — золотая и черно-багровая. Огибая скалу, они держали свои черно-синие крылья наклонно, как велосипедист, летящий на крутом повороте дороги.

2

Иветта Ренье схватила меня за руку. Глаза у нее округлились от страха,

— Куда мы попали с вами, мистер Метт?..

Крылатые люди нас заметили. Замедлив полет, они подлетели к нам, медленно взмахивая то одним, то другим крылом. С каждой секундой загадочные фигуры росли, превращаясь в стройных людей в чешуйчатой тесной одежде. Внезапно я скорчился, словно меня ударило электрическим током, и, опустившись на обломок гранита, увидел, что Иветта Ренье тоже лежит на земле.

Я увидел высоко в небе цепь шаров, похожих на огромные мыльные пузыри. Шары спускались к далекому берегу кратерного озера.

Крылатые люди, взлетев над краем гранитного выступа, опустились на землю и, сложив крылья, пробежали несколько шагов на цыпочках по траве. Крылатая женщина стала на одно колено и принялась обыскивать Иветту Ренье.

— Литай урурнутаилин тин! — звонко крикнула она своему спутнику.

Тот что-то отрывисто сказал, и женщина бросилась к нему. Он протянул руку на северо-запад.

Послышалось какое-то жужжание. С секунды на секунду оно усиливалось. И совсем низко у нас над головой пролетел овальный снаряд с небольшим раструбом на конце. На снаряде чернела английская надпись: «Ракета Лунного Колумба».

Ракета улетала к кратерному озеру. Жужжание затихало.

Крылатый человек в черном решительно шагнул ко мне и тщательно ощупал мое платье. Мой старый блокнот, видимо, возбудил в нем страстное любопытство, которое вскоре остыло: в блокноте не было ни одной записи. Человек окликнул свою спутницу: «Ариленда!» и после минутного совещания на странном звучном языке они улетели к кратерному озеру.

3

Вдали промчалась новая вереница шаров. На этот раз шары были красные, как огромные капли крови.

Я с трудом встал и помог подняться Иветте Ренье. Она потирала ладонями виски.

— Кажется, я не сплю, — тихо сказала она. — Кто эти люди?

— Я столько же знаю, сколько и вы, — ответил я, стараясь ручной гимнастикой восстановить правильное кровообращение.

— Как она сказала, эта женщина? Литай... не помню...

— Литай урурнутаин тин, — подсказал я. — До сих пор мой блокнот пустует. Нужно записать эти слова Ариленды.

Я поднял с травы блокнот, достал самопишущее перо и полувывсохшими чернилами нацарапал на клетчатой странице: «Литай урурнутаин тин», добавив по-английски: «так сказала Ариленда».

— Наконец-то я отыскал вас, джентльмены! — крикнул кто-то на чистом английском языке. Взглянув вверх, я увидел человека, пролетавшего над пандановой рощей на синих крыльях. Три повязки охватывали его туловище, оставляя конечности свободными.

В десяти шагах от нас человек спустился на траву и сложил крылья. Его давно нестриженные иссиня-черные волосы вились кольцами, большие темные глаза горели энергией.

— На Луне и на Земле меня зовут Линкорном, — проговорил незнакомец, кланяясь нам. По рождению я — англичанин. По национальности — гражданин Вселенной. В настоящую минуту я, как посланец лунных людей, явился к вам, людям Земли, парламентаром, как во враждебный военный лагерь. Не изумляйтесь! Я объясню все. Но простите, — прервал себя Линкорн. — Я вижу, вы измучены и наверное голодны. У меня есть консервы. Как я до сих пор не догадался вам их предложить. Простите еще раз!

Линкорн достал из мешка за поясом четыре жестянки. Сияющую искру камня в кольце на безымянном пальце правой руки он приложил к жести, разрезал ее как бумагу и протянул Иветте Ренье банку с каким-то мясом.

4

— Я не буду, — начал Линкорн, выслушав наш рассказ о мадагаскарских скитаниях, — сообщать вам химические формулы моего сверхмощного взрывчатого вещества — «дианита». Это — секрет изобретателя. Пять лет неустанной работы дали следующие результаты: лаборатория два раза разлеталась буквально в пыль, мой сотрудник Рианстэд и я даже при аккуратнейшем обращении с материалом получали долго незаживающие язвы на руках и к концу опытов, увенчавшихся блестящим успехом, я был разорен.

Двадцатого марта вечером я ходил в библиотеке из угла в угол, раздумывая о своих затруднительных обстоятельствах. Часы на каминной доске показывали шесть. Косые солнечные лучи упали на висевшую над столом картину. Это была превосходная копия картины Герберта Дрэпера «Гибель Икара».

Навзничь, раскинув руки, привязанные к огромным крыльям, лежал мертвый Икар на скале, вздымающейся из гневного моря. Левое крыло свисало к синей воде, а правое высоко взметнулось к небу.

Солнечные лучи погасли и картина потускнела. Но я все еще смотрел на Икара, стараясь подавить охватившее меня волнение. Я — Икар. Но не побежденный, а побеждающий. Разве мой «дианит» не может быть движущей силой ракеты для перелетов не только в пределах земной атмосферы, но и в междупланетных и междוזвездных пространствах?

Только четыреста тысяч километров отделяют Землю от Луны.

Если я продам дедовский коттедж, всю обстановку, все эти пятнадцать тысяч томов дедовской библиотеки, то хватит ли вырученных денег на постройку ракеты и на добычу «дианита» для минимального маршрута: Земля — Луна — Земля?

Я посмотрел через синеющее окно в сад. В весенние сумерки убегала прихотливая сеть аллей. Знакомые деревья, крокетная площадка, цветочные клумбы — ко всему этому я привык с детства и со всем должен расстаться.

Я отошел от окна и повернул выключатель. Электрический свет уничтожил мир за окном, утверждая бытие только одной комнаты. Я налил из графина стакан воды и медленно выпил.

Затем, успокоившись, подсчитал возможный доход от продажи коттеджа, сада, обстановки, лишних приборов лаборатории. Получилась солидная сумма.

5

Долгие часы проводили мы с Рианстэдом над чертежами ракеты.

Многие детали разрабатывал единолично Рианстэд. Часть картонов он забирал с собою для работы у себя на дому.

Как известно, вопрос о междупланетных путешествиях разработан многими учеными довольно основательно в теоретическом отношении. Для практического же осуществ-

вления теории до сих пор доставало только двух условий: достаточно крепкого строительного материала для постройки ракеты и достаточно мощного взрывчатого вещества для ее движения в безвоздушном пространстве. Сверхмощное взрывчатое вещество у нас было: мой «дианит». Остроумная комбинация сплавов дала нам надежный строительный материал. Через два месяца мы покончили со схемами, и первого июня модель ракеты блестяще выдержала пробный полет.

Мы работали вдвоем. Никаких рабочих у нас не было. Работы производились в строжайшей тайне.

В середине июля отдельные части ракеты были отлиты и в начале августа мы приступили к сборке. Десятого числа готовая ракета, утвержденная на крепких козлах, стояла под стеклянным потолком мастерской, и Рианстэд, стоя на лесенке, выводил на оболочке снаряда кистью синие буквы: «Ракета Лунного Колумба».

Тот день я хотел ознаменовать скромным пиром. Престарелая миссис Мак-Грегор, моя няня, была откомандирована в город за печеньем, двумя бутылками вина, превосходным паштетом и восхитительной ветчиной.

— Стол не слишком роскошен, Чарли, — говорил я, усаживая Рианстэда. — Миссис Мак-Грегор истратила сейчас мою последнюю гинею.

— За твоё здоровье, дружище Билль! — воскликнул Рианстэд, чокаясь со мной.

Вино пенилось в плоских бокалах.

Рианстэд взглянул на часы и сказал озабоченно:

— Половина седьмого.

— Ну, и что же? — спросил я усмехаясь. — Еще рано.

Но Рианстэд непреклонно встал и с самым серьезным видом принялся меня уверять, что ему непременно нужно попасть к мисс Эдит Дентон.

Когда человек говорит о какой-нибудь мисс, ему нельзя возражать. Посмеиваясь, я смотрел из окна на высокую фигуру Рианстэда. Я увидел, как он вышел на улицу и махал рукой, видимо, подзывая такси...

А наутро я, задыхаясь от ужаса, прочел в газете, что известный ученый М. Рианстэд был убит на Улице трех волхов при столкновении автомобиля с трамваем.

Так я отправился в далекий-далекий путь один.

6

Я поднялся в узкое помещение для пассажиров, закрыл люк под ногами и открыл другой люк над головой. Проверил в последний раз механизм. Все было в порядке, начиная с «дианита» и кончая консервами в кладовой.

Поворот рычага снял ракету с крепких козел, на которых она так долго покоилась. Теперь она стояла в воздухе. Новый поворот рычага на миллиметр вывел ее из лаборатории через раскрытые настежь широкие ворота. Потом я закрыл иллюминатор.

Микроскопические дозы «дианита» истекали из ракеты, бесчисленными толчками двигая ее в сторону, обратную направлению взрывов.

О земле я больше не думал. Теперь все мое сознание было охвачено мыслью о Луне. Крайне занимавший меня вопрос — обитаема Луна или нет, до того меня измучил, что в конце концов я запретил себе думать об этом до того момента, когда я буду летать над лунной поверхностью, обзревая ее невооруженным глазом.

Все аппараты — без перебоев, без досадных уклонений и из запаса «дианита» было израсходовано меньше одной трети, когда Луна представлялась уже огромным диском, занявшим половину черного, как сажа, неба. Огромный диск спутника Земли был заметно иззубрен по краям. Мой взгляд был прикован к темной, обширной, в тысячу километров в поперечнике, котловине Моря дождей, ограниченного с одной стороны цепью лунных Апеннин и Карпат, с другой стороны — лунным Кавказом и с третьей — изломанным, диким хребтом лунных Альп. Черные тре-

щины длиной в сотни километров зияли жуткими изломами. Скоро Луна должна была открыть мне свои тайны.

Ракета стремительно неслась ближе и ближе к Луне. Теперь я сосредоточил свое внимание на столь интересующих астрономов кратерах Коперника, Кеплера и Тихо Браге, окруженных далеко расходящимися светлыми лучами, относительно происхождения и значения которых ученые строят всевозможные теории.

Странная тревога заставила меня схватиться за подозрительную трубку — и все теории рассыпались прахом. Профессора — очень рассеянные люди. Так часты случаи, когда профессор ищет шляпу, надетую на голову, ищет перчатки, натянутые на руки. Меня сердила отправная точка многих рассуждений: отсутствие атмосферы делает невозможной органическую жизнь. Но человек существует не потому, что его легкие пьют кислород из воздуха, — нет, человеческие легкие существуют потому, что на Земле атмосфера. Человек приспосабливается к атмосфере. Будь она плотнее, чем на Земле, органы дыхания были бы иными. С уменьшением на Земле запасов воздуха легкие будут уменьшаться, как постепенно атрофируется у человека одна из кишок, от которой теперь остается только маленький и почти ненужный червеобразный отросток. В далеком будущем человек будет довольствоваться не большим количеством воздуха, чем довольствуются теперь рыбы, вдыхающие жабрами воздух, растворенный в воде. Земные ученые не допускают мысли о жизни на Луне, рассуждая, что невозможно организму переносить огромные колебания температуры на Луне — от 200 градусов жары лунным днем и до 200 градусов холода лунной ночью. Но если русские на земном полюсе холода — в городе Верхоянске — благополучно живут при 50 градусах жары летом и при 70 градусах холода зимой, то почему бы лунным людям не приспособиться к условиям существования на Луне, как русские ухитрились приспособиться к холоду земному?

Подобные мысли проносились у меня в мозгу, когда я рассматривал сияние лучей, окружающих кратер Тихо Браге. Может быть, на Луне есть люди...

Я направил полет ракеты в центр лунного диска: в Срединный залив великого лунного Океана бурь.

7

Я приник лицом к массивному стеклу иллюминатора. В черном небе блестели разноцветные немерцающие огни звезд. Раскаленное красное солнце в пылающей короне из протуберанцев склонялось к горизонту. Огромный диск Земли, в тринадцать раз больший, чем Луна на земном небе, сиял в самом зените.

Ракета неслась в пяти-шести километрах над поверхностью Луны, над Срединным заливом, по направлению к кратеру Птолемея. Дикие скалы громоздились внизу, блеск солнца резал глаза. Черные тени от скал казались бездонными пропастями.

Мое тело вдруг стало странно легким. Нужно было привыкнуть к условиям лунного притяжения. Надо было по-новому рассчитывать движения. А пока вместо шагов получались прыжки, руки двигались не плавно, но рывком. Особенно осторожно нужно было обращаться с приборами.

Внезапное дрожание всего корпуса заставило меня броситься к приборам. Они работали исправно. Я взглянул в западный иллюминатор: до самого горизонта простирался дикий, безжизненный ландшафт. Я открыл ставни восточного иллюминатора и сразу почувствовал сильный удар, парализовавший мои движения. Я увидел около десяти огромных оранжевых шаров, несущихся на мою ракету из-за зубчатой стены черных гор. Линия шаров стала растягиваться вправо и влево, окружая мою ракету.

Я не уменьшил скорости движения ракеты, и кольцо таинственных шаров несло по одному со мной направленно, не приближаясь ко мне и не отставая.

Но вдруг кольцо разорвалось и в несколько секунд шары растянулись цепью перед ракетой. Чем ближе я подлетал к ним, тем сильнее становились неведомые удары. Со-

брав последние силы, я дотянулся до аппаратов и остановил ракету. Она повисла над мертвыми скалами.

Итак, таинственные шары были сильнее меня. Повинуясь неведомой мне команде, они перестроились, растянувшись цепью влево от ракеты, и двинулись на меня. Я опять получил удар, заставивший меня застонать, и сразу понял: меня гонят направо.

8

Красные шары гнали мою ракету над сухой равниной Моря облаков. Я наблюдал через иллюминатор дикие каменные просторы. Вдруг вдалеке, у самого горизонта, взвились к черному небу обломки скал, на лету разламываясь и крошась на мелкие куски. Взрыв! Мгновение — и все по-прежнему было неподвижно, и я увидел лунный кратер на том месте, которое до взрыва было совершенно плоским.

Ракета метнулась в сторону, потом выровнялась и понеслась дальше. Мой снаряд попал в сферу взрыва, но чудесный материал ракеты оказался стойким, я же лежал на полу с разбитым локтем. Поднявшись, я остановил ракету и посмотрел на шары. Они тоже остановились.

Я начал опускаться. Кратер стал расти мне навстречу. Его диаметр равнялся трем или четырем километрам.

Шары низко спустились и вдруг понеслись вверх, прямо на меня, видимо, приказывая мне подняться. Ракета взвилась на высоту двадцати километров, едва не столкнувшись с каким-то черным шаром, стоявшим неподвижно в вышине. Ракета остановилась. Красные шары застыли в отдалении. И тут я простым глазом увидел, что из нижнего клапана черного шара выпал прозрачный, как стекло, цилиндр. И через секунду внизу летели разбитые взрывом скалы и камни. На месте взрыва появился новый кратер. Так я раскрыл тайну образования лунных кратеров.

Мой «дианит» был слишком слаб в сравнении с взрывчатым веществом лунных людей, с неизвестной для меня

целью взрывающих поверхность луны. Уже свыше ста тысяч кратеров на одной только стороне Луны, обращенной к Земле, образовано взрывами лунного сверхдианита. На склонах больших кратеров лунные люди взрывают кратеры маленькие, названные учеными Земли «паразитными» кратерами.

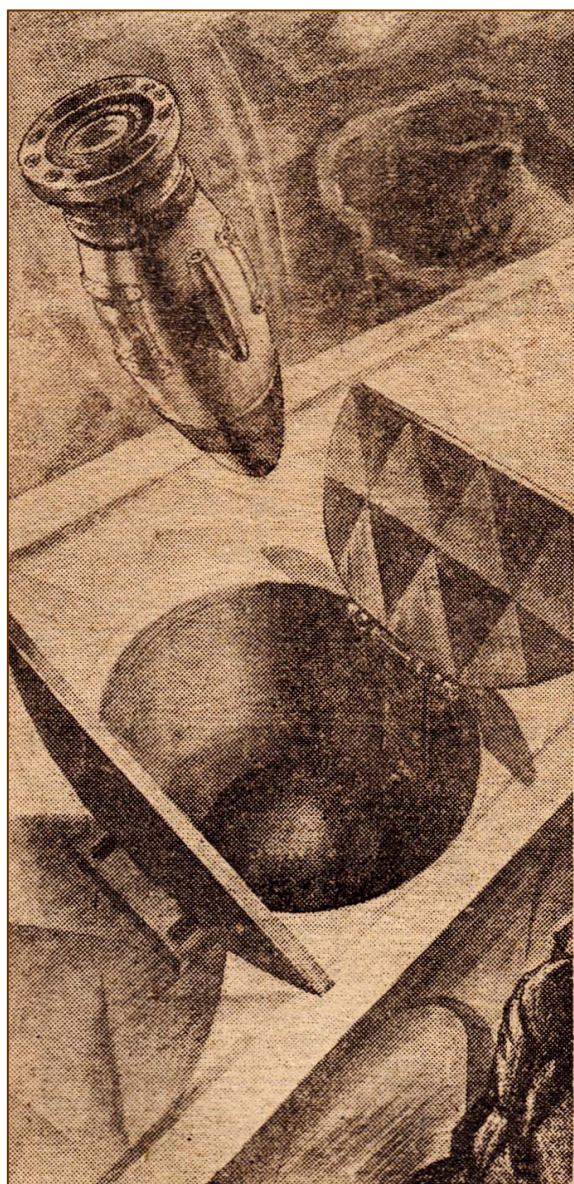
Черный шар, предводительствуя оранжевыми, направился к системе светлых лучей кратера Тихо Браге. Ближайший светлый луч оказался не чем иным, как многоэтажным зданием, сияющим, как кристалл, в ослепительном свете солнца.

В верхней части этого здания распахнулись полукруглые двери и в образовавшееся отверстие медленно влетел черный шар, а за ним последовали оранжевые. Вот уже скрылся последний шар, а дверь не затворилась. И, положив руку на руль, я направил свою ракету к черному отверстию.

9

Некоторое время ракета летела среди полного мрака. Но вот вдалеке мелькнула светлая вертикальная щель. Это был вход в колоссальный ангар. Его возносящиеся выше башни Эйфеля стены были разделены на множество круглых ячеек. В эти своеобразные громадные соты влетали, как пчелы, шары. Беглый подсчет давал 1500-2000 шаров. Половина пустующих ячеек говорила, что добрая тысяча шаров находится в данную минуту на работе. Откуда-то извне доносился ритмичный машинный гул. Это были первые звуки, которые я услышал на Луне. Взрывы, образовавшие кратеры, были абсолютно бесшумны, в необозримых котловинах лунных морей не было воздуха. Здесь же был шум, — значит, был и воздух.

Сквозь стекло иллюминатора я увидел, что по хрустальной платформе ко мне направляются люди в синих и черных куртках, с узким треугольным вырезом на груди и с

круглыми пуговицами на левом боку. Я отвинтил входной люк и сошел по лесенке на хрустальную платформу. Из толпы лунных людей, разглядывавших мою ракету с величайшим интересом, отделился высокий человек и подошел ко мне.

— Good evening, — сказал по-английски лунный человек.

Наверное, у меня был такой растерянный вид, что человек улыбнулся.

— Я заговорил по-английски потому, что на вашем снаряде стоит английское название. От имени своих товарищей по работе приветствую вас, смелый путешественник!

Звонко подкатился по рельсам открытый вагон на шести массивных дисках-колесах.

Мы разместились на стоявших в вагоне креслах, и вагон двинулся.

— Мое имя — Андион, — сказал высокий человек, усевшись рядом со мной, — Орра, это — ваша Земля. Бруарранну вы называете Луной. Бруарранна не боится Орры. Вы увидите сейчас наше могущество.

— Но как же вы дышите? — вырвался у меня неожиданно вопрос. — Ведь на Луне нет воздуха?

— Да, незначительная масса нашей планеты обладает слабым притяжением и давно улетучились с ее поверхности в мировое пространство такие легкие газы, как водород, азот и кислород. Но в центре ядра Бруарранны еще крокошет космическая лава и многие выходящие из недр Бруарранны газы, окисляясь, входят в химическое соединение с минералами.

— Так бывает и на Земле.

— На Бруарранне дорожат этим. На Бруарранне внутрипланетная деятельность интенсивнее, чем на Орре, благодаря незначительной плотности массы нашей планеты. Наши экспедиции отыскивают места с большими скоплениями камня, богатого содержанием накопившихся, идущих из ядра планеты газов, и мы производим колоссальные взрывы. Воронки, остающиеся на месте этих взрывов, земные ученые называли кратерами и цирками. Осколки

камней мы перевозим на шарах в наши города, и добываем из них кислород.

— Сейчас мы подъезжаем к Заводу солнца, — сказал Андион.

Долгий путь по подземному туннелю закончился. Вагон остановился на крепкой платформе и невидимым механизмом был поднят кверху. Мы стояли в центре кратера Тихо Браге. Во все стороны по радиусам разбегались бесконечные ряды огромных машин. От их могучего шума содрогался воздух. От них к искусственному небу, перекрывшему впадину кратера, возносились металлические башни. Многочисленные вогнутые зеркала улавливали, собирали и передавали к машинам лучи солнца. Машины каким-то непонятным для меня образом ступали, консервировали солнечный свет. Андион сказал:

— Мы запасаем солнце не только для того, чтобы согреть Бруарранну в долгую ночь, но и для того времени, когда недра Бруарранны охлаждаются, и поддержание жизни на ней потребует большего, чем сейчас, количества солнца. И вот мы откладываем про запас такие солнечные консервы.

Он взял с проехавшей мимо нас тележки отливающий матовым светом кубический дециметр солнечного консерва и положил его мне на ладонь. Горячий куб был гладок, как стекло. Он дышал жаром, но не жегся. В нем чувствовалась огромная скрытая энергия.

— Таблетка, только что вынутая из машины, еще горяча, — сказал Андион, — но она охладет в складах и пролежит тысячелетия, пока человек будущего не найдет нужным извлечь из нее тепло.

Из Завода солнца мы направились в главный лунный город. Десять путей серебряными стрелами пронизывали прямолинейный туннель. Справа и слева, обгоняя нас по правым колеям и пролетая навстречу и мимо нас по левым, мча-

лись лунные поезда. Андион, не оставляя серебряных рычагов, посредством которых он управлял вагоном, рассказал о Великом озере Бруарранны.

На Луне скорее, чем на Земле, образовалась твердая кора и скорее начала развиваться органическая жизнь. Но слабое притяжение Луны не могло удержать легкие газы водорода, кислорода, гелия, азота, и атмосфера Луны быстро становилась разреженной, непригодной для развития высших органических форм. Бурная вулканическая деятельность, выбрасывающая из недр планеты газы, необходимые для жизни, стала затихать ко времени появления на Луне людей.

На глубине нескольких километров от лунной поверхности, опоясанное каменными берегами, в каменной выемке, не позволяющей воде просачиваться к центру планеты, лежало Великое озеро. Люди вырыли пещеры в прибрежных скалах. Подземный мрак жилищ озарялся огнем лучины, пока не были придуманы факелы и сальные свечи. Люди выходили на поверхность планеты запастись топливом, охотиться на животных, которых становилось все меньше. Сваливали топорами целые леса и уволакивали бревна к Великому озеру. Переправляли под землю и животных.

Тщательное исследование береговых скал открыло людям путь через трещины в огромные сводчатые природные залы. Трещины в потолке были заделаны хрустальными плитами, пропускающими солнечный свет. Дно обширных светлых пещер люди покрыли слоем плодородной земли, сброшенной сверху. Проведенные из Великого озера оросительные каналы заставили землю давать обильные плоды. Трава служила прекрасным подножным кормом для скота.

Люди снаряжали на поверхность Луны экспедиции собирать остатки воды, еще задержавшейся на почве в виде

льда. Впоследствии не стало и льда. Вход в пещеры плотно закрывали, чтобы не проникал вниз лютый холод, царивший наверху по ночам, и чтобы воздух из пещер не улетучивался в мировое пространство.

Суровые условия жизни, недостаток во всем и всевозможные лишения послужили могучим двигателем изобретательности. Изобретение пороха дало возможность раскалывать подземные стены и открывать новые пещеры, годные для заселения. Но поиски подземных водных бассейнов остались безрезультатными. Приходилось довольствоваться единственным Великим озером. Люди с замиранием сердца следили за роковым обмелением озера. Обнажение дна знаменовало смерть лунного человечества. Днем и ночью кипела работа в лабораториях трех подземных городов. Невозможность достать воду на Бруарранне родила смелую мысль достать воду вне ее. Надо было построить снаряд для перелетов в безвоздушном пространстве. Астрономы, наблюдавшие за движением звезд и планет, не знавшие о существовании Земли, невидимой для этого лунного полушария, путем сложных вычислений доказывали, что Бруарранна как бы связана в мировом пространстве властной силой притяжения огромного и не очень от нее далекого небесного тела. Они утверждали, что мысль о межпланетных перелетах осуществима.

Великое озеро засыхало. Люди берегли воду, как могли. Был определен водяной паек, был издан закон, сурово наказывающий за расходование воды сверх нормы. Были введены поощрительные значки за воздержание в питье.

Подробно разработанные планы возведения на поверхности Луны могучих, светлых городов, снабженных водой и воздухом, уже готовы были рухнуть, когда все подземное население услышало радостную весть: учеными строится шар. Он полетит на ближайшую планету за водой и воздухом. Вернувшись на Бруарранну, он отправится во второй рейс уже не один, но в сопровождении многих таких же шаров, которые привезут на родимую Бруарранну жизнь и счастье.

Наконец шар, названный «Надеждой Бруарранны», улетел в межпланетные бездны. Люди переживали жуткие дни ожидания. Порой казалось, что надежды не сбудутся. Великое озеро превратилось в грязную лужу. Поля, оставленные без орошения, не дали урожая. Сбереженное в общественных складах продовольствие выдавалось населению минимальными порциями. Начались эпидемии. Отчаяние возрастало, принимая угрожающие размеры. Участились случаи сумасшествия.

Но шар вернулся. Он привез воду и весть о существовании Земли. С того дня началась светлая эпоха в истории Бруарранны.

— Мы подъезжаем к подземному вокзалу Города башен, — сказал Андион. — Мы находимся на той стороне Бруарранны, которая никогда не смотрит на Орру. Вы скоро увидите нашу столицу.

Своды тоннеля раздались вширь и ввысь, и ослепительное сияние электрических ламп озарило многоэтажное здание вокзала. Рельсы подъездных путей разбегались в стороны, как серебряные ледяные струи. Вагоны мелькали справа и слева. Гудение проводов стояло в воздухе. На платформах и виадуках толпились люди.

Андион провел меня к хрустальной двери какого-то павильона.

— Войдите! Ждите меня здесь, — сказал Андион, отводя рукой синеватую полосу хрустальной двери. — Мне нужно сделать донесение начальнику станции.

Я вошел один в просторный зал, залитый электрическим светом. Тут только я почувствовал смертельную усталость и, усевшись на какой-то низенький диванчик, начал засыпать.

Проснувшись, я почувствовал себя сильным и бодрым. Широкое и высокое от пола до потолка окно пропускало

золотые лучи солнца. Над головой на огромной высоте сияла ажурным узором сетка. Переплет из неизвестного мне металла поддерживал хрустальные плиты искусственного небосвода. Несколько видимых из окна взлетающих к небу башен давали несокрушимую подпору небу Бруарранны, сотворенному руками лунных людей.

— Линкорн, — сказал кто-то за спиною. Я обернулся. У входа в павильон стояла высокая золотоволосая женщина.

— Я Ариленда, — сказала она, подходя ко мне, — я давно думала о людях Орры. Я всегда мечтала встретиться с таким человеком. Но, — женщина вдруг нахмурилась, — скажи, ты один? Никто не знает тайны твоей ракеты? По-клянись, что скажешь правду?

— Я один, — ответил я. — И зачем мне лгать?

— Я так и говорила им, — кивнула головой Ариленда.

— Кому?

— Членам Союза мстителей. Они доказывают, что Орра ограбила Бруарранну, силой своего властного притяжения похитив с нее воздух и воду. Высший совет науки говорит, что их учение основано на весьма шатких гипотезах, а некоторые утверждения совершенно не выдерживают научной критики. Но у Мстителей есть много последователей.

— Почему же Высший совет науки не может закрыть Союз мстителей? — спросил я.

— Союз мстителей — общество тайное. Среди членов Высшего совета науки есть члены Союза мстителей. До сих пор Союз мстителей ограничивался тем, что ревностно отбирал у Орры то, что по их упрямому мнению принадлежало раньше Бруарранне, — воздух и воду. Активных враждебных действий по отношению к земному человечеству не было. Но воинственное настроение земных людей и быстрое развитие техники увеличили фанатическую ненависть Союза мстителей к Орре. Со дня на день они ждали прибытия на Бруарранну разведчиков с Земли. Первый земной разведчик — ты, Линкорн. Теперь можно ожидать, что Союз мстителей перейдет к активным действиям против человечества Орры. Вы видели силу хрустальных цилиндров.

— ... Взрывающих кратеры! — подсказал я.

— Они говорят, что твои помощники строят огромную флотилию ракет.

— Но ведь я же один!

— Они говорят, что ты должен умереть, — продолжала, не слушая меня, Ариленда. — Человек, не испугавшийся одинокого путешествия по эфиру, должен умереть!.. Слушай, Линкорн. Андион — член Союза мстителей. Будь осторожен. Прощай.

Она исчезла так же внезапно, как и появилась, оставив меня одного в смущении и неизвестности.

Ну, что ж, — подумал я, — еще не так плохо. Есть противники, есть и сторонники. Будем ждать этого Андиона.

Он скоро появился, приветливо улыбаясь.

— Вы хорошо отдохнули, Линкорн? Очень рад. А теперь одевайтесь и идите в соседнюю комнату. Я научу вас летать на крыльях и мы полетим с вами по Городу башен.

Мы с Андионом вышли на балкон шестидесятого или семидесятого этажа над землей. Справа и слева сияли здания. Их архитектурный стиль не был схож ни с одним стилем на Земле. Его главной чертой было изобилие балконов, составляющих как бы отдельные здания, иногда повисшие в воздухе, как цветные огромные фонари. Огромные корпуса стопятидесятиэтажных блистающих строений соединялись арками и мостами. Это было изумительное цветение камня.

Андион и я снялись с балкона. Наши крылья неслышно резали воздух. Гениальная простота их устройства позволила мне в пять минут научиться управлению ими. Они повиновались малейшему нажиму кнопки.

Мы обогнали группу детей, которые весело резвились в воздухе, задорно смеясь.

Мы пролетели над величественным зданием Высшего совета науки. Мы приближались к центральной башне, подпирющей зенит небосвода. Воздушное движение вокруг нас становилось все оживленнее. Летели небольшие шары с различными грузами. Я заметил, что по винтовой дороге, облегающей суживающуюся кверху башню, были проложе-

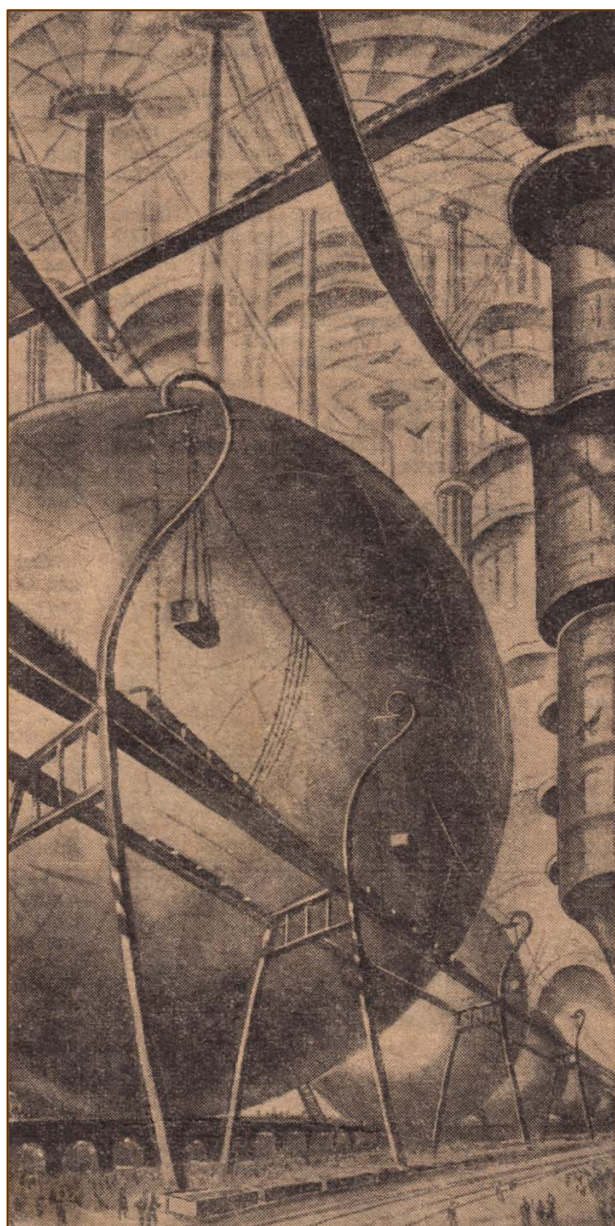
ны зубчатые рельсовые пути, и по ним вверх и вниз катились поезда, то груженные, то пустые. Мы подлетели к верхнему этажу башни. Андион предъявил охране документ, выданный на мое имя Высшим советом науки. Нас пропустили в огромный зал, полный мужчин и женщин.

Сотни огромных шаров стояли здесь рядами. По рельсам автоматически двигались груженные вагонетки. Быстро проходили люди, скрываясь в недра то одного, то другого шара через люки в нижней части этих гигантов вышиной в десятиэтажный дом.

Шестьдесят оранжевых шаров отлетели сегодня на Землю: пятьдесят за водой и десять за воздухом. Пятьдесят черных шаров отправлялись взрывать базальт, гранит, мрамор и хрусталь в каменоломнях, на восьмикилометровой высоте лунных гор Ньютона. Около ста шаров летело с рабочими и рабочим снаряжением на постройку нового города в центре полушария, никогда не смотрящего на Землю.

13

День за днем знакомился я с Луной и ее обитателями. Мне была предоставлена полная свобода. Долгие дни я блуждал то пешком, то на крыльях по огромному Городу башен. Я смотрел на сильных, здоровых лунных людей, любовался красотой их тел на солнечных спортивных площадках. Я наблюдал фантастически-быстрое возведение двух новых башен, идеально предусмотренное в бесчисленных мелочах. Я смотрел на красоту лунных девушек и юношей, на жизнерадостных, играющих в свои лунные игры детей, на крепких стариков, отдыхающих на скамьях вдоль солнечных аллей, оцепленных лунными дворцами. На многократные свои заявления о желании работать на Луне, я получал от Высшего совета науки категорические отказы, и мне было стыдно сознавать свою никчемность.

Мой доклад о постройке ракеты, сделанный в зале дворца Высшего совета науки, вызвал весьма скептические замечания почтенных лунных ученых. Мне никто не верил. А история трагической смерти Рианстэда была сочтена явной выдумкой.

Я совершенствовался в практике лунного языка, листая в журналах статьи о необходимости подготовки Бруарранны к отражению атакующих планету туч ракет типа «Ракеты Лунного Колумба». Бруарранна в опасности! Все на защиту Бруарранны! Смерть Орре! — так кричали газеты Союза мстителей. Из сотни тайных агентов, отправленных на Землю, ни один не донес ни о количестве, ни о местонахождении огромного междупланетного военного флота коварной Орры. Печать Союза мстителей разъяснила, что Орра слишком хорошо хранит свои тайны, что малодетельный Высший совет науки узнает о флоте Орры только тогда, когда миллионы земных ракет внесут на Бруарранну смерть и разрушение.

Вильям Линкорн прессой Союза мстителей был объявлен заурядным шпионом английского военного министерства, человеком, ничего особенного собою не представляющим. Союз мстителей добивался низвержения Высшего совета науки, хотел поставить одного из своих членов диктатором над планетой, тысячами статей и брошюр убеждая лунных людей, что, пока Орра еще не довела своего междупланетного флота до полной боевой готовности, необходимо обрушиться на нее всеми силами Бруарранны и раздавить ее навсегда, сделав лунной колонией. Но девяносто девять процентов населения Бруарранны не сочувствовали Союзу мстителей.

В эти тревожные для меня дни Ариленда горячо доказывала лунным людям, что я вовсе не шпион, а смелый изобретатель. Она выступала перед Высшим советом науки, спорила с членами Союза мстителей и наконец, явилась ко мне возбужденная, радостная.

— Я добилась для тебя разрешения работать на Бруарранне, сделаться лунным гражданином. Но ты должен показать себя ревностным работником. Ты назначен лететь на Орру вместе с шарами, отлетающими за водой и воздухом. Ты летишь в своей ракете. Ты понимаешь? Это последнее испытание. Тебя хотят в последний раз проверить: достаточно ли крепка твоя решимость порвать все узы с Оррой, чтобы всецело посвятить свои силы работе на Бруарранне.

— Когда назначен отлет, Ариленда? — спросил я.

— Завтра в полдень.

14

Линкорн замолчал. Снизу из ущелья доносился приглушенный гром потока. Солнце клонилось к закату. Цветы благоухали сильнее. Иветта Ренье пристально смотрела на Лунного Колумба. Она прервала его задумчивость, спросив:

— Итак, на другой день вы были в центральной башне Города башен?

Лунный Колумб взглянул на часы и дальнейшая его речь была лаконична:

— Да, ровно в полдень я был в башне. Ракета меня ждала. До пятидесяти шаров были тоже готовы к отлету с Бруарранны на Орру. Начальник экспедиции Гримольд указал мне земную широту и долготу станции назначения. Мы летели в неисследованную европейцами местность Мадагаскара. Я стал проверять приборы своей ракеты. Все было в полной исправности. Ко мне вошла Ариленда. Ее лицо было тревожно.

— Вчера, — сказала она, — на экстренном собрании Союза мстителей было вынесено какое-то решение относительно тебя. Мне сообщат обо всем, когда я буду в пути к Орре. В одном из радужных шаров летят все члены Союза мстителей. Там буду и я.

— Это напоминает карательный отряд... В чем провинилась Орра?

— Какие-то документы найдены там, но и их мне покажут лишь на полпути между Оррой и Бруарранной.

— Начальник экспедиции предлагает Ариленде немедленно явиться в штаб! — Мы обернулись и увидели Андиона.

Через минуту был подан сигнал к отлету. И вот я сижу здесь с вами. Смотрите, — шары улетают. Скоро решится моя судьба.

Из далекого кратерного озера поднялись кверху десять оранжевых шаров, заметно увеличивая скорость. Потом второй и третий десяток шаров умчались в небесную пустоту, похитив с Земли воду.

— Да, да! Теперь все понятно! — вскрикнула вдруг Иветта Ренье. — Союз мстителей заманил вас в ловушку!

— Я чувствую это. Но не знаю, что именно меня ждет, — сказал Линкорн, глядя на улетающие шары. Вдруг из кратерного озера взлетела «Ракета Лунного Колумба». Она неслась прямо на нас. Союз мстителей ограбил Вильяма Линкорна!

Последний отряд лунных шаров летел вслед за ракетой. Девять оранжевых метеоров просвистели над нами в воздухе. И только последний, десятый, остановился в вышине, в сотне метров над нами.

— Линкорн! — воскликнула Иветта Ренье. — И у вас нет десятка кристалликов «дианита», чтобы превратить в пыль этих негодяев?

— Там Ариленда, — прошептал Линкорн. — Я не виделся с ней с момента прощания в Городе башен. Она была здесь? Она говорила что-нибудь вам? Быть может, одно ее слово поможет мне распутать клубок сомнений.

Я вспомнил о записанной фразе Ариленды: «Литай урур-нутаилин тин» и потянулся за блокнотом.

— Посмотрите тут, Линкорн! — это крикнула Ариленда своему спутнику, когда увидела здесь меня и м-ль Ренье. Тут одна фраза...

Я протянул Лунному Колумбу листок блокнота. Линкорн взглянул него, потом вскочил на ноги, и я услышал его хриплый шепот:

— Сообщники подлого шпиона...

Крылья у него за спиной распустились, и он стал подниматься к радужному шару. Я и Иветта Ренье смотрели, как он летал вокруг лунного снаряда и бил кулаками в его броню. Наконец, в нижней части шара открылся люк, и Линкорн исчез внутри шара. Люк закрылся.

— Какие документы Союз мстителей обещал показать Ариленде по дороге на Землю? — спросила Иветта Ренье.

— Документы, разумеется, сфабрикованы Союзом мстителей. Но страшно, что им поверила Ариленда.

— Они казнят Линкорна? — раздумывала вслух Иветта Ренье. — Ариленда стала его врагом. Он это понял. Ариленда вернулась к Андиону, к Союзу мстителей. Она обыскивала меня с такой страстной ненавистью. Чем все это кончится, мистер Метт? Мои нервы, кажется не выдержат. А Линкорн на допросе. А-ах!.. — Иветта Ренье побледнела от ужаса. Из черного люка бросился человек.

15

Это был Линкорн. Он падал как камень. Его крылья, вертикально стоящие за спиной, не мешали его падению. Он летел вниз, неподвижно распластав в воздухе руки, как летит пловец с вышки в море. Но внизу был гранит...

... Линкорн лежал в пяти шагах от нас и в двух шагах от пропасти. Мы бросились к нему. Он истекал кровью. Он умирал.

Иветта Ренье дрожащими ладонями приподняла голову Лунного Колумба, Линкорн открыл глаза и прошептал:

— Я попал в западню. Мне предъявили подложные документы, меня обвиняли в чудовищных планах. Ариленда поверила лжи. Я хотел говорить, но в эту секунду кто-то столкнул меня... Я умираю... Пока память мне не изменяет,

я скажу вам маршрут... долготу, широту местонахождения, чтобы добрались до...

Глаза Линкорна широко раскрылись и впились в небо. Невольно и я поднял голову и увидел Ариленду. Она выбросилась из шара и летела вниз. Вслед за ней вылетели из люка пять или шесть человек. Линкорн, собрав последние силы, вскочил на ноги, и сразу же упал навзничь. Он был мертв.

Ближайшему из преследователей удалось поймать Ариленду. К нему подоспел на помощь другой. Оба потащили ее к шару. Мы слышали, как Ариленда что-то кричала.

Ариленду втащили в люк. Ее преследователи тоже скрылись, и шар стал медленно подниматься.

Но внезапно он лопнул, как мыльный пузырь, и до нас донесся грохот взрыва. Ариленда отомстила, и Союз мстителей не угрожал теперь Земле.

Примечания

С. Горбатов – автор трех дошедших до нас фантастических произведений (двух рассказов и повести). Все они были впервые напечатаны в 1928-1929 годах: рассказ «Янтарная страна» – в журн. *Мир приключений* (1928, № 8), рассказ «Долина страусов “Рук”» – в ленинградском журн. *Вокруг света* (1928, № 27) и повесть «Последний рейс “Лунного Колумба”» – в №№ 40-41 того же журнала за 1929 г.

Вещи Горбатова трудно отнести к «твердой» научной фантастике, хотя в каждой из них встречаются те или иные научно-фантастические допущения (потерянная цивилизация, реликтовые животные, лунные жители и нападение их на Землю). Они стоят на границе фэнтези и напоминают записи причудливых и красочных сновидений; традиционные темы и мотивы фантастики и литературы приключений служат в них лишь строительными «кирпичиками» снов. Проза Горбатова в чем-то близка некоторым рассказам А. Грина и написана уверенно и изящно, с полным пренебрежением к научным объяснениям и каким-либо советским реалиям и идеологическим ориентирам.

В рассказе «Долина страусов “Рук”» и повести «Последний рейс “Лунного Колумба”» действуют те же герои – искательница приключений Иветта Ренье и ее спутник, названный в повести Меттом; повесть застает их в джунглях Мадагаскара – там же, где завершилось действие рассказа. Перед текстом сохранился подзаголовок «В мадагаскарских джунглях»; это заставляет предположить, что повесть была напечатана в сокращении.

Из статьи Н. Константинова «Научно-фантастическая тематика у молодых писателей» (*Литературная учеба*, 1934, № 1) известно о существовании неопубликованной повести Горбатова «Страна без возврата». Судя по всему, она представляла собой нечто похожее на рассказ «Янтарная страна»; возможно, действовали в ней уже известные нам герои. «В повести <...> начинающего писателя С. Горбатова “Страна без возврата” рассказывается о таинственной стране в центре Сахары, где живут невидимые люди» – пишет Константинов. «Сахара здесь взята из романа П. Бенуа “Атлантида”, а люди-невидимки – из известного романа Уэллса. Но желая хоть в чем-нибудь пойти дальше Уэллса, С. Горбатов объяс-

няет появление невидимых людей тем, что они пьют какую-то особую воду и едят особые “сливочные” плоды» (с. 103).

Даже поверхностное знакомство с произведениями Горбатова позволяет понять, что научное обоснование фантастических сюжетов интересует его менее всего. Однако критик негодует, объявляя повесть «слепым подражанием старой научной фантастике» и произведением откровенно вредным: «Выдумка очень беспомощная. Даже самый наивный читатель не поверит в существование чудодейственных “сливочных” плодов. А если все-таки и найдется такой легковверный читатель, – спрашивается, что он получит полезного из повести С. Горбатова? Да ровно ничего <...> – все это беспочвенный, никому не нужный вымысел» (*там же*).

Достоверных биографических сведений об С. Горбатове не имеется. Неясно, как соотносится он с поэтом Сергеем Горбатовым, автором нескольких стихотворений о Ленине, напечатанных в 1924-1925 гг.

Все произведения С. Горбатова публикуются по первоизданиям с сохранением оригинальных иллюстраций. Исправлены очевидные опечатки и некоторые устаревшие особенности орфографии и пунктуации; в повести ««Последний рейс “Лунного Колумба”» унифицировано написание некоторых имен и названий.

Оглавление

Янтарная страна	5
Долина страусов «Рук»	24
Последний рейс «Лунного Колумба»	48
П р и м е ч а н и я	77

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.